

ЯНА ЛЕТТ

ПРЕПАРАТОРЫ

СЕРДЦЕ СТУЖИ

Яна Летт

Препараторы. Сердце Стужи

Серия «NoSugar. Препараторы»

Серия «Препараторы», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69796225

Препараторы. Сердце Стужи: Издательство АСТ; Москва; 2023

ISBN 978-5-17-159564-7

Аннотация

Много веков континент Кьертания скован вечным льдом, а города обступает смертельная и манящая Стужа. В ней обитают только снитиры – необыкновенные звери, живущие сразу в двух слоях реальности, Мире и Душе. Части тел снитиров поддерживают жизнь на континенте. Их сердца бьются вместо моторов поездов и машин, а их глаза разрезают темноту вместо фонарей...

Сорта стала одним из лучших препараторов. Почти каждый день она вместе со своим ястребом, Стромом, выходит в Стужу. Но главная их цель – вовсе не снитиры. А ставки высоки, как никогда. Тем временем Унелым расследует серию жестоких убийств, которые потрясают Кьертанию – ведь в них могут быть замешаны препараторы.

Вторая книга самого загадочного и непредсказуемого цикла «Препараторы» от лауреата премии «Новая фантастика».

Для широкого круга читателей.

Содержание

Унелъм. Расследование	9
Сорта. Только мы	50
Эрик Стром. Знаки Стужи	85
Омилия. Сут-стук	107
Сорта. Сны	135
Унелъм. Встречи	149
Конец ознакомительного фрагмента.	170

Яна Летт

Препараторы.

Сердце Стужи

© Летт Я., 2023

© Савояр С., иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

ХИММЕЛЬНЫ

СОВЕТ ДЕСЯТИ

ПРЕПАРАТОРЫ

ЯСТРЕБЫ

МЕХАНИКЕРЫ

ОХОТНИКИ

КРОПАРИ

Мир, придуманный Яной Летт, сложен, логичен и подробен. Есть в нем место и социальному неравенству, и поездкам, собранным из фрагментов тел снятиров, и религиозным ритуалам, и интригам, и эпидемиям, и контрабанде. Писательница населила Кьертанию добрым десятком героев первого плана – сложных, многомерных, не сводимых к характерным для фэнтези типажам.

Галина Юзефович

Любая история, написанная Кьертанией, – написана также и Стужей.

Унелъм. Расследование

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Унелъм опять проспал – если что-то и встанет между ним и карьерой блестящего детектива это, бесспорно, будет его новая перина, купленная недавно за бесценок на очередном развале, куда потащил его Вэл.

Выбегал из дома в сторону охранителей он в прескверном расположении духа – и мелкий дождь, зарядивший с утра, настроения не улучшил. Улицы были всё ещё украшены по случаю прошедшего пару дней назад праздника единства Къертании, но теперь ленточки и бумажные гирлянды размякли и потускнели.

Прошло уже много недель с потрясшего Химмельборг жестокого убийства Лери Селли, а у него до сих пор не было ни единой зацепки. Утешало, что и Вэл тоже не преуспел, и даже Олке с каждым днём выглядел всё более хмурым. В первые дни наставник только что не пел от радости – не слишком прилично, с учётом гибели молодого и красивого юноши. Но Олке плевать было на приличия. Он, казалось, помолодел лет на десять и постоянно потирал руки, приговаривая:

– Что ж, пришла пора показать охранителям, как нужно

работать.

Но время шло, а показать охранителям им было нечего. Убийца проник на территорию особняка, не оставив ни следа – ни отпечатка пальца, ни скола на оградке садовой тропы, ни вмятины на аккуратно подстриженном газоне, ни примятого цветка. Никто его не видел – ни многочисленные соседи, ни полуночники, прогуливавшиеся по улицам Сердца города, ни сторожа, ни старый садовник Селли.

Садовник этот трясся от ужаса, давая показания. У него не было алиби – никто, кроме старого пса, не составлял ему компанию в домике для прислуги. Ни он, ни пёс не слышали криков, стонов или звуков борьбы.

На рассвете садовник отправился к розарию с кишкой для полива, и вот тут-то пёс, по его словам, будто с ума сошёл – скулил и подвывал, как щенок, и наотрез отказался идти в глубь сада, будто чуя присутствие опасного и безжалостного зверя.

Тогда садовник отправился дальше один, вооружившись, помимо кишки, валовым фонарём. В дрожащем круге света он увидел молодого хозяина, израненного, залитого кровью, бледного и окоченевшего... и с глазом орма, вставленным на место его собственного.

Садовнику пришлось провести несколько не самых приятных дней на допросах Олке и охранителей, но его, в конце концов, отпустили восвояси. Сложно было поверить, что он, всю жизнь преданно служивший Селли, развлекавший ма-

ленького Лери игрой в лошадки на заднем дворе, вдруг решился на убийство безо всякой выгоды или мотива. Кроме того, глаз орма не был нейтрализован – а значит, указывал на препаратора.

И всё же за садовником установили круглосуточную слежку. Олке предполагал, что тот мог быть с убийцей в сговоре – однако до сих пор за стариком не заметили ничего необычного.

В компании Олке Унелъм целыми днями занимался поиском улик. «Вот и проверим, слушал ли ты хоть иногда во время наших уроков», – сказал ему наставник. Улъм надеялся не разочаровать его.

Нитка или волос, упавшие с одежды, сломанная ветка, обронённая монета, другой цвет глины, занесённой в сад на подошвах сапог, – любая мелочь была важна. Они долго и придирчиво просвечивали каждую пядь земли специальным валовым фонариком, оснащённым глазом ревки на тонком ищущем хоботке, заливали каждый куст в саду особым образом обработанной хаарьей жёлчью, которая зеленоватым свечением должна была указать на следы органики, например, крови... Всё было тщетно.

Убийца будто прилетел по воздуху или явился из ниоткуда – и так же в никуда исчез.

– Хитрый дьявол, – бормотал Олке, и в его голосе звучал азарт.

Унелъм успел поверить – как он быстро начинал верить во

что-то приятное и плохо достижимое, – что раскроет убийство Лери Селли и явится ко двору – к Омилии – героем. Тогда им больше не придётся встречаться тайком – за последние недели ему удалось увидеть её только дважды, хоть и казалось, что они знакомы всю жизнь. Нет – он будет приходить в дворцовый парк через главные ворота, будет завсегдатаем на всех приёмах и балах, а потом... Что будет потом, Унелъм не знал. Его знакомство с пресветлой наследницей кьертанского престола было настолько невероятным, что он и его-то до сих пор осознал не до конца – а потому решил не строить слишком далеко идущих планов. С чего-то, в конце концов, нужно было начинать...

Вот только пока всё шло из рук вон плохо.

Унелъм оббегал полгорода, говоря с друзьями, родственниками, подружками покойного. Удостоверение, выданное Олке, не располагало людей к откровенности, но что-что, а разговорить кого угодно Унелъм умел с детства. Порой ему изливали душу с такими подробностями, какие он предпочёл бы не знать.

Так, одна из подружек Лери, фабричная работница, о которой проговорился один из друзей Селли, несколько часов, утирая слёзы не очень чистым платочком, рассказывала, как хорош был в постели «щедрый, хорошенький динн», сколько прелестных подарков он ей подарил и как называл её «кошечкой», «своей маленькой женой» и «крольчонком».

– И что же, – спросил Унелъм под конец, слегка одурев от

её излияний, — вы ничуть на него не обижены?

— Обижена? — переспросила она, в неподдельном изумлении вытаращив на него глаза под накрученной чёлкой. — Да за что же?

— Ну, как... Он ведь бросил вас, и...

— Бросил? Ну что вы, господин Гарт! Мы с ним разошлись, как это называется... По всеобщее... По-друже...

— Полюбовно?

— Да, да! — она радостно закивала хорошенькой головкой. — Точно! Ну, а чего мне было ожидать? Кто он, кто я? Я сразу знала: с таким блестящим парнем это ненадолго. Что с того? Да я век буду вспоминать, какой он был добрый и щедрый. Я с его подарков, считай, дом матери купила. Ну, чуть-чуть только ей добавить пришлось. А какой браслет он мне подарил! Его я продавать не стала, и теперь точно не буду. Хотите, покажу вам?

— В этом нет необхо...

— Пусть останется о нём память... — Работница без малейшего перехода захлопала носом. — Ох, он такой был добрый, красивый, щедрый господин... И кому только он помешал? Какая сволочь сотворила с ним такое? Да если бы я узнала, я б своими руками... — Она прервалась, чтобы шумно высморкаться в платочек.

— Вы не знаете, у него были другие... — Унелъм помедлил, — подруги?

Работница с готовностью закивала.

– Да наверняка! Он-то мне, конечно, говорил, что нет – видите, господин Гарт, какой он был достойный человек? Но я-то всегда понимала, что у такого красавца должны быть и другие подружки. Но он всегда говорил: «Нет, кошечка моя, зачем мне другие, когда есть такая красавица, как ты?» Что ни говори... Благородный динн – он и есть благородный динн.

После этого разговора Унелъм пытался найти других подруг «благородного динна» через знатных друзей Лери, но они не назвали больше ни одной. Может, не знали, может, не хотели выдавать Лери даже теперь, когда от этого зависел успех расследования.

Все, с кем он и Олке говорили после, – безутешные родственники, учителя, товарищи по учёбе, деловые партнёры отца – отзывались о Лери как о добром, смелом, славном юноше, которого любили все. Казалось, у юного Селли при жизни не было врагов, тем более способных на такую жестокую расправу.

Газетчики продолжали обсасывать эту историю, несмотря на попытки несчастных родителей заткнуть им рты. Масла в огонь подливал глаз орма, обнаруженный в глазнице юноши.

«Убийца – препарат!»

«Защитник Кьертании посеял смерть и ужас».

«Совет Десяти не даёт комментариев».

Когда Унелъм добрался до отдела, Мем – зыбкий призрак в облаках табачного дыма – с ним не поздоровалась, слыш-

ком занятая чтением передовиц.

– Эту дьявольщину нужно остановить, – хмуро заявила она, пробегая взглядом заголовков за заголовком. – Чем быстрее мы найдём мерзавца, тем быстрее всё утихнет.

Олке, сидевший неподалёку, рассеянно кивнул – ему явно плевать было на газеты. Единственной его целью было найти убийцу.

– Гарт. Явился-таки – какая честь для всех нас!

– Работал над важными зацепками допоздна.

– Не сомневаюсь. Не снимай куртку – мы идём в Гнездо.

Пора пощупать препаратов. Совет до последнего оттягивал, но у нас наконец есть разрешение.

Вэл проводил их тоскливым взглядом – его-то ждала бумажная работа в компании Мем.

В кои-то веки Унелъм не радовался, что Олке выбрал его для полевой работы. Он мало общался с другими препаратами, но что-то подсказывало, что участие в допросе – не лучший способ завести с ними дружбу.

– Разделимся, – сказал Олке, когда они подошли в кованым воротам в сад, окружавший Гнездо. Деревья здесь буйно цвели, и от тяжёлых белых цветочных головок шёл сладкий, пряный аромат, напоминавший о яблочных крудях, какие пекли иногда у Хальсонов дома. Сорта ведь тоже была где-то здесь... Возможно, Унелъму и её придётся допрашивать. При мысли об этом он поёжился.

Они не виделись с бала. И с тех пор, как не стало её мате-

ри и сестёр – Ульм узнал о трагедии из отцовского письма. С тех пор он так и не собрался с духом, чтобы прийти и выразить Хальсон свои соболезнования. Все слова тут казались лишними – к тому же после того, как к её ястребу приходил с обыском Олке, Сорты вряд ли захочет его видеть.

Не то, чтобы он и в самом деле собирался обмануть её, когда обещал «разобраться с этим делом». К тому моменту он и вправду думал, что ястреба Сорты Олке больше ни в чём не подозревает... И только потом, от Вэла, узнал, что они с Олке ходили допрашивать Строма и его охотницу по делу о контрабанде. После такого прийти как ни чём не бывало не так-то просто.

Что уж там... Даже когда они были друзьями, близкими, как брат с сестрой, он никогда не умел её утешать. За утешения в их троице всегда отвечал Гасси.

Иногда Ульму казалось, что с его смертью равновесие нарушилось. Не только в их жизнях – в мире вообще.

Гасси наверняка нашёл бы нужные слова. Может, он и Ульма бы утешил – и не пришлось бы презирать себя за трусость в те редкие моменты, когда он не был занят мыслями о неуловимом убийце – и неуловимой Омилии.

– Опять витаешь в облаках, Гарт? Не лучшее время. Я возьму на себя старших охотников, ты поговоришь с новыми рекрутами. Мы с тобой не раз обсуждали, как это делается. Ищи мотивы, зацепки, что угодно. С тобой они наверняка будут чувствовать себя спокойнее – но держи ухо востро.

Если хоть что-то покажется тебе подозрительным – хотя бы самая малость, Гарт – скажешь мне. Дальше буду разбираться сам.

На пороге Гнезда их встретил Кьерки, комендант общежития. Он так и лучился дружелюбием, но в его фигуре, перекрошенной старыми ранами, Унелъм ощутил напряжение.

– Проходите, проходите. Разуться можно тут. Я выделил вам комнаты и уже всех предупредил. Я подготовил списки – конечно, сегодня здесь не все. Кто-то на охоте; охоты мы уж никак не могли отменить. Но потом, конечно, я организую встречу и с ними тоже. Принести вам чая? Вообще, если что-то понадобится...

Унелъм не слушал. Он впервые был в Гнезде и смотрел во все глаза. Пожалуй, поуютнее, чем в Коробке – но вопреки всем стараниям обитателей общежития в нём чувствовалось что-то казённое. Улъм в очередной раз порадовался, что снял себе квартиру. Пусть тесную, как коробка для шляп, – но, по крайней мере, там он сам себе хозяин.

На втором этаже Кьерки проводил Олке направо, а его самого – налево. В комнату к Олке уже входила Томмали – об этой красавице-охотнице Унелъм был наслышан, и как-то раз даже бывал на одном из её выступлений. Кьерки, провожавший её на допрос, поглядывал на неё с немым, тихим обожанием, и Улъм мог его понять.

Если Олке сам решал, кто к кому пойдёт на допрос, к нему, судя по всему, сейчас придёт кто-то куда менее сим-

патичный.

Для допросов выделили чью-то пустую спальню, из которой вынесли кровать. Намёк на то, что им здесь не рады?

Даже стулья у стола были разными – один с деревянными подлокотниками, другой без подлокотников вовсе, зато с мягким сиденьем, изрядно потраченным молюю. Стул, стоявший лицом к двери, оказался менее удобным, но понял Гарт это слишком поздно – когда вереница молодых препараторов потянулась в его импровизированный кабинет.

По крайней мере, Кьерки принёс Унельму воды в глиняной кружке и улыбнулся.

– Я готовился к вашему приходу впопыхах, так что не обессудьте. Если захотите, оставайтесь на ужин, когда закончите. У нас сегодня белая рыба.

Уже через пару часов и это показалось Унельму издёвкой – рекрутам, с которыми ему нужно было побеседовать, не было ни конца ни края. Унельм старался делать всё так, как учил Олке, – расспрашивал препараторов друг про друга, пытаясь подловить и ища нестыковки... Но пока что допросы казались совершенно бесполезными.

Ни для кого не секрет, как препараторы стоят друг за друга – а сам убийца уж точно не признается...

Дверь открылась в очередной раз, и в комнату вошла Сор-та. Ульм понимал, что это может случиться, и всё равно оказался не готов встретить её взгляд.

Пятно вокруг её золотого глаза как будто потемнело силь-

нее, зато шрам слева у губ побелел и теперь меньше бросался в глаза. Многие приходили на допрос одетыми по-домашнему, но на ней была форма охотницы – чёрный камзол, белая рубашка, брюки заправлены в высокие сапоги. Косы, забранные в корзинку вокруг головы, лежали волосок к волоску.

– Здравствуйте, господин сыщик, – сказала она, садясь напротив. – Давно не виделись.

– Привет, – он пытался говорить бодро, но Хальсон было не обмануть улыбками. – Слушай... Я хотел встретиться с тобой раньше, но это убийство...

– Да-да, понимаю. Служба превыше всего. Чем я могу помочь? – По крайней мере, она тоже не горела желанием взглянуть ему в глаза.

– Слушай, – пробормотал он. – Я знаю, что случилось... Я имею в виду, с твоими... Мне жаль, что я не мог сказать раньше, но...

– Не будем об этом, – сказала она жёстко, и шрам у её губ побелел сильнее. – Это ни к чему... Ульм. Мне уже лучше.

Она назвала его старым именем, именем времён их игр на заваленном хламом дворе, и это не вязалось с отстранённым, пустым взглядом – впервые он увидел у неё такой взгляд после того, как не стало Гасси.

– Хорошо... – С наибольшим удовольствием сейчас он бы провалился сквозь землю. Ему нужно было допросить её – и в то же время он не мог заставить себя задать ни одного вопроса по делу. Именно сейчас, увидев её, Унелъм почув-

ствовал, что ему действительно стыдно. Как бы худо всё ни складывалось между ними в последние годы, когда-то они были настоящими друзьями... А он не нашёл времени прийти к ней в самый страшный час. Потому, что правда не верил, что ей это нужно? Или потому, что попросту струсил?

Теперь не узнать.

– Кстати, спасибо за то, как ты всё провернула с балом, – с трудом выдавил он. – Правда, спасибо.

– Не за что. Надеюсь, ты нашёл, что искал.

– Даже больше того.

– Вот и славно.

Она говорила отстранённо и смотрела мимо него.

– Ты на меня злишься?

– С чего мне на тебя злиться?

– Ну... Я знаю, что Олке к вам приходил.

– Меня это не слишком удивило. Я всегда знала, что на твои обещания не стоит полагаться.

Унелъм вдруг вспомнил Омилию – веснушки в уголках её глаз, нежный взгляд, в глубине которого зрели ростки бунта. Если бы не Сорта, он бы никогда её не встретил.

– Слушай, Сорта... Если бы я мог их остановить, я бы постарался... Сбить со следа, переубедить. Но меня никто не предупредил. Мне не следовало обещать тебе... То, чего я не мог исполнить. Прости меня. И... прости, что я не пришёл к тебе после... Ты знаешь. Я повёл себя, как свинья. И мне жаль.

Она удивилась, даже остоленела, и Унелъм вдруг подумал: вот, каким она видела его всё это время. Импульсивным, равнодушным, не способным признать ошибку.

– Всё это уже неважно, – сказала она наконец негромко. – Как я уже сказала... мне лучше. Что до Олке... у него ничего не было на Строма. Потому что он ни в чём не виноват.

– Само собой, – поспешно вставил Унелъм.

– ...так что и это не важно. Ладно, к делу, – она наконец посмотрела прямо ему в лицо. – У меня кое-что есть для тебя. Думаю, это важно. Знаешь про Миссе? – Она произнесла имя Луми быстро, как будто оно жгло её губы. Унелъма кольнуло другое предчувствие, и на миг ему остро захотелось сказать: «Нет, я ничего не знаю. Пожалуйста, не говори мне ничего».

– Нет. А что с ней?

– Мертва, – Сорта снова смотрела мимо него, туда, где за окном весело чирикали птицы и светило солнце.

– Как... Мертва? – Унелъм вспомнил, как помогал Миссе нести вещи от поезда, как дрожало её плечо у него под пальцами, когда она плакала, уезжая из Ильмора. Кажется, уже тогда он почувствовал: ничего хорошего в столице её не ждёт. Но он был слишком полон мыслями и тревогами о собственном будущем – не до Миссе Луми, симпатичной робкой девчонки, с которой он и парой слов не обменялся.

Птица за окном чирикнула особенно заливисто, и Ульм вдруг почувствовал, что вот-вот расплачется. Сорта, навер-

но, будет припоминать ему это до старости... Если, конечно, каким-то чудом они оба – охотница Эрика Строма и сыщик-механикёр, втрескавшийся в наследницу Химмельнов, – доживут до старости.

– Вот так. Её достали из капсулы... Она даже не успела выйти в Душу.

– Я думал, у неё отличное усвоение, – сказал Ульм тупо, и Сорта кивнула.

– Верно. Но... – она колебалась. – Ты не станешь писать об этом родителям?

– Родителям? О чём? С чего мне...

– Унелм. Пообещай, что ничего не напишешь родителям. Слышишь? Я не хочу, чтобы имя Миссе трепал весь Ильмор... И если узнаю, что ты всё же написал...

– Да я понял, понял. Обещаю. Будто не знаешь, что обычно пишут родителям...

– Хорошо. – Сорта рассеянно провела рукой по волосам. – Миссе была беременна. Именно поэтому на этот раз её организм не справился.

Как будто Стужа разом обрушилась на него. От кого-кого, а от маленькой Миссе Ульм не ждал ничего подобного.

– О. Вот оно что.

– Это не всё. Она была беременна от Лери Селли... Во всяком случае, очень похоже на то.

– Лери... Селли? – Вот оно. То самое, важное. Тонкие волоски на его шее приподнялись, как от холода.

– Во всяком случае, Эрик видел их в Шагающих садах... Несколько раз. Думаю, Селли был отцом ребёнка.

– Почему ты не сказала мне раньше? – Не стоило спрашивать вот так, после – в очередной раз – едва установившегося хрупкого мира, но Унелъм не сдержался. – Мы ведь... Ты знаешь, что мы расследуем его убийство.

– Мне плевать, кто убил Лери Селли, – сказала Сорта с жёсткостью, поразившей его. – Но вообще-то я хотела рассказать тебе. Я дважды приходила в Коробку...

– Серьёзно?

– Угу. Извини уж, что не приходила каждый вечер. На второй раз мне сподобились сказать, что ты переехал, но адреса не дали. Я оставила для тебя письмо...

– Тысячу лет не был в Коробке... – пробормотал Унелъм. – Слушай, спасибо, что рассказала. Правда, спасибо. Я...

– Не за что. – Сорта наконец посмотрела на него прямо. – Мы всё ещё помогаем друг другу, Унелъм. Но больше не подводи меня... Или нашу договорённость придётся пересмотреть.

Что-то новое появилось в её лице – твёрдое, непримиримое. Холодное.

– Слушай, как ты? – вдруг спросил он, и что-то в её лице изменилось. – В смысле... я могу тебе чем-то помочь? Может... ты хочешь встретиться как-нибудь, выпить вместе или погулять?

Уголок её губ дёрнулся, как от боли.

– До свидания, Унелъм.

Она ушла – и он не посмел остановить её, хотя не задал ни одного из протокольных вопросов. В любом случае, пока что он узнал от неё больше, чем от всех остальных, вместе взятых.

Он не успел подробнее подумать об этом – дверь снова открылась, впуская очередного препаратора. Невысокий, крепкий, с лицом наполовину красным, будто обваренным кипятком, и воспалённым левым глазом – радужка орма плохо приживалась.

– Здравствуйте, – пробормотал он, тяжело садясь напротив. Вид у него был больной. – Меня зовут Рорри. Рорри Курт.

Унелъм искоса взглянул в бумаги, переданные ему Олке, и вздрогнул. Рорри Курт служил в паре с Миссе Луми.

Задав несколько протокольных вопросов, на которые Рорри отвечал вяло и покорно, Унелъм кашлянул:

– Я понимаю, что это трудно... Но я хотел бы спросить о Миссе Луми. Она была вашим ястребом, и...

– Я помню, – глухо сказал Рорри, и впервые в его лице Ульм увидел что-то живое, человеческое. Слабая улыбка тронула покрасневшие губы, и глаза – даже алый, раздражённый – потеплели. – Что вы хотите узнать?

– В распоряжение нашего отдела поступила информация, – Унелъм поймал себя на том, что невольно говорит

штампами из книжек о ловких сыщиках, которые читал в детстве, – о том, что ваша ястреб была связана с убитым. Вам об этом что-то известно?

Рорри побледнел так, что даже красная, будто обожжённая, сторона лица посветлела. Его губы дрогнули, плечи опустились.

– Была... связана? В каком смысле?

Унелъм заколебался. Охотник Миссе выглядел действительно расстроенным. Что связывало этих двоих? Могла ли маленькая Миссе метаться между ними или даже завести роман с обоими? Поверить в это было трудно. С другой стороны, ещё недавно Унелъм не поверил бы и в её роман с Лери Селли.

– Я не знаю наверняка. Надеялся, что, может, вы мне расскажете...

– Я ничего об этом не знаю, – прошептал Рорри, поднимая на Унелъма глаза, и тот увидел, что в них дрожит влага. – Но... если вы знаете... пожалуйста, скажите. Скажите мне.

Такого поворота Унелъм не ожидал и замялся.

– Я действительно не знаю деталей. Знаю только, что они были знакомы. А сейчас мы должны проработать все...

– Вы что, думаете, Миссе как-то связана с его смертью? – недоверчиво протянул Рорри. – Вы ведь знаете, что она погибла, – его голос дрогнул, – до того, как нашли Лери Селли?

– Само собой. – Унелъм протянул Рорри одну из заготовленных карточек. – Я... соболезную. Я ведь знал Миссе. Мы

оба прибыли из Ильмора. Мне очень, очень жаль. Я не знаю, связана ли она с тем, что произошло... Но вы расскажите мне, если что-то вспомните или узнаете, хорошо?

Рорри кивнул:

– Хорошо.

Вид у него был как у человека, больше прежнего погружённого в себя. Возможно, ошибкой было спрашивать его о Миссе и Лери вот так, напрямую.

Мог ли Рорри хитрить? Если он знал о связи Луми и Селли, у него был мотив. Правда, этот хромающий, болезненный, погасший охотник не был похож на кого-то, кто мог совершить такое убийство, не оставив следов... Но кто может знать наверняка? В старых архивах отдела хватало примеров самых неожиданных развязок расследований, тянувшихся порой годами.

У Ульма столько времени не было.

Он сделал пометку на полях. Стоило рассказать о Миссе и Рорри Олке – но прежде хорошенько подумать, чем именно он готов поделиться. Трудно было балансировать между тем, чтобы помогать наставнику – и оставлять часть нитей для себя, не вызывая при этом подозрений.

Всех, кто входил в кабинет после Сорты и Рорри, Унелм пытался аккуратно выводить на тему Миссе и её связи с молодым Селли, но препараты то ли действительно ничего не знали – и тогда маленькая Луми таила в себе ещё больше способностей, чем он думал поначалу, – то ли ревниво обе-

регали память погибшей.

Допросы продолжились, но на нечто интересное Унелъм наткнулся ещё только раз – ближе к вечеру, когда голова начала подкруживаться от голода и усталости.

Он говорил с препаратором по имени Маркус. В бумагах Олке напротив его имени стояла пометка. Маркус был одним из немногих молодых препараторов, бывших на том балу, куда приходил и сам Унелъм. Там же – совсем незадолго до своей смерти – был и Лери Селли. Это светское мероприятие стало для него последним, поэтому Олке особенно кропотливо извлекал на свет из тени дворцового парка все разговоры, сплетни, маленькие ссоры, случившиеся с участием Селли в тот вечер.

Унелъм проговорил с Маркусом почти целый час, расспрашивая про тот вечер в мельчайших подробностях.

– Никто из наших с ним не танцевал, – сказал тот ближе к окончанию допроса, глядя на Ульма с нескрываемой неприязнью. – Я бы запомнил – да и все бы запомнили, там же народу была куча.

– Может, с кем-то заговаривал? – Унелъм лихорадочно перебирал имена препараторов, бывших на балу. – С госпожой Анной, например. Или господином Стромом? Госпожой Хальсон? – Он ощутил слабый укол вины, но ему нужны были конкретные люди, чтобы разговорить Маркуса – или попытаться уловить малейшее движение ресниц или губ... Одно из тех лёгких, как прикосновение снежинки, движений, о

которых рассказывал Олке – движений, говоривших на допросе куда больше, чем слова.

– Не путай в это хоть Хальсон, ей и без того досталось за последнее время, – неожиданно резко сказал Маркус.

Значит, они с Сортой дружили.

– Я не видел, чтобы Стром говорил с Селли. Больше того: этот динн подходил к Сорте, приглашал её танцевать. Я стоял неподалёку и слышал. Так она от него улизнула, и пришлось ему подкатывать к другой девчонке. Так что, как видишь, их ничего не связывает. Зря теряешь время, если думаешь иначе.

– Да, думаю, ты прав, – пробормотал Ульм, снова чувствуя, как по шее пробегает дрожь. – Спасибо, что поговорил...

– Как будто у меня был выбор, – буркнул Маркус, поднимаясь.

– Я бы тоже предпочёл сидеть сейчас в кабаке, – заметил Ульм. – У тебя хоть стул с подлокотниками. Там есть ещё кто за дверью?

– Нет. Только Кьерки, но с ним, наверно, твой хозяин поговорит.

Ульм пропустил колкость мимо ушей. Препараторы их отдел не любили. Разумеется, большинство не одобряли ни контрабанду, ни тем более убийства – но всё касающееся препараторов они привыкли считать частным делом. Такие, как Олке или Унелм, связывали препараторов с внешним

миром, были посредниками, отдающими другим – чужим – их грехи.

Неспроста их часто называли «пятым кругом», хотя в разных точках Кьертании среди них хватало и механикёров, и кропарей, и даже охотников. Во всяком случае, со слов Олке и Мем – сам Унелъм пока не был знаком ни с кем, кроме этих двоих, да ещё Вэла.

Их с Олке, как и было обещано, накормили рыбой с картошкой и салатом из кислицы и помидоров, оставшимися с ужина. Всё горячее успело остыть, а свежее – завянуть, но оба набросились на еду. Кьерки явно составил им компанию только из вежливости. Он тоже выглядел уставшим – ведь именно ему, коменданту, пришлось следить за тем, чтобы допросы шли как положено. Разговор не клеился. Доев, Олке с Унелъм поблагодарили Кьерки и вышли в вечерний дождевой Химмельборг – о кратковременном ливне предупреждали газеты, но ни у кого из них всё равно не оказалось зонта.

Они неспешно брели по широкой улице Миля – торопиться смысла не было, оба почти сразу промокли до нитки.

По дороге Унелъм рассказал Олке о связи Миссе с убитым, о раздавленном горем охотнике. Кое о чём он умолчал: например, не стал рассказывать, что Лери Селли пригласил Сорту на танец, а она отказала. Улъм пропустил это и в своих записях. Олке и такая малость могла мгновенно бросить в охотничью стойку – особенно с учётом связи Сорты с Эри-

ком Стромом.

– Миссе Луми явно не была у него единственной, – буркнул Олке. – Мне много чего порассказали о мальчишке. Та девочка из работниц, которую ты нашёл, была скорее исключением. У Селли, как и у многих из знати, была настоящая страсть к девчонкам из препараторов. А у девчонок от усвоения мозгов не прибавляется.

Ульм вспомнил о Миссе – её ясных глазах, робкой улыбке, медовом сиянии волос, – но промолчал.

– Конечно, мы проверим всех. Их друзей, возлюбленных... Миссе Луми, разумеется, особенно важна – ведь её история кончилась трагически. Тем не менее не думай, Гарт, что разгадка преступления всегда лежит в области высоких и значительных страстей. Многие совершали ошибку, ища ключ к убийству в пространствах мести и любви – а совершалось оно из-за неудачно брошенного слова или пары химмов. Я выписал имена. Некоторых связывали с Селли разовые истории, других замечали в его компании время от времени. Столько успеть в столь юном возрасте... что ни говори, быть динном – высокая привилегия.

Из-за дождя Ульм не мог разглядеть выражения лица наставника.

– Это наверняка не все. Я выписал также тех, у кого были личные отношения – романтического или иного толка – с родственниками и друзьями убитого. Никогда не знаешь, насколько крепко могли перепутаться нити мотивов...

На небе сверкнула молния, на миг озарив всё – тревожно склонившиеся над ними особняки с синими и зелёными оконными стёклами, памятник Аделе Химмельн со строгим и мудрым лицом, сосредоточенный взгляд Олке.

– Кто-то показался вам особенно интересным?

– Может быть, – сказал Олке задумчиво. – И не все, кто сейчас у меня на уме, были связаны с Селли... Во всяком случае, на первый взгляд. Но мне нужно подумать, Гарт. И ты подумаешь со мной вместе. Приходи в отдел как можно раньше. Скажем, к семи. Мы разберём записи, а потом поедем в Верхний город. Нужно допросить ещё кое-кого, и я хочу, чтобы ты присутствовал. Нечего вздыхать. Учись, Гарт. Не придумали способа научиться делу лучше, чем занимаясь им. В половину седьмого я тебя жду.

* * *

Унелм проснулся от негромкого, но настойчивого стука в дверь. На часах было четыре, и он застонал, уткнулся в подушку. Ему снилась Омилия – во сне всё было так легко и просто, кажется, они играли в сут-стук, смеялись, и там были ещё какие-то люди, среди них, кажется, Гасси... А потом в комнату вдруг вошла Сорта, и её ледяной взгляд всё испортил, потому что Ульм вспомнил, что Гасси – мёртв, а Мил – пресветлая наследница кьертанского престола, которая рано или поздно вспомнит обо всех тех пространствах, куда более

необъятных и непреодолимых, чем Стужа, что разделяет их.

Он подкрутил тусклый валовый светильник над изголовьем кровати и, накинув рубашку, побрёл к двери. Сонный посыльный отдал ему письмо.

– Срочное из отдела, – мрачно буркнул он. – Распишитесь тут.

Закрыв за ним, Унелъм вернулся к кровати, поближе к светильнику – и только теперь заметил тубус, выпавший из почтовой трубы. Должно быть, ночью, пока он спал. Сердце радостно дрогнуло.

«От Марвы Карт» – так всегда подписывалась Ведела, служанка Мил, когда не могла передать очередную весточку от хозяйки лично. Записка из отдела, отданная посреди ночи лично в руки, явно была более срочным делом, и всё же Унелъм начал со второго письма.

Омилия предлагала увидеться нынче же вечером, и он почувствовал, как губы сами собой расплываются в глупой улыбке.

«У меня будет только час, в лучшем случае два, господин фокусник».

Он бы и ради получаса полетел в гостиницу на другом конце города, как на праздник. Но теперь – всего один день, чтобы придумать, чем её удивить, чем порадовать. Дурное чувство, вызванное странным сном, покинуло его окончательно, и Унелъм открыл второе письмо – от Олке. Его наставник был, как всегда, лаконичен.

«Площадь Инженеров, 5. Приходи так быстро, как сможешь».

Унелъм скатился с кровати, нашарил на стуле заготовленные с вечера рубашку, носки и штаны.

Конечно, Олке ни во что не ставил его личное время, но вряд ли стал бы вытаскивать из постели посреди ночи по пустякам.

Он умылся, провёл мокрой рукой по волосам, почистил зубы и проснулся окончательно. Город за окном тоже пробуждался неохотно – серело предрассветное небо, похожее на снежную взвесь, и снова накрапывал дождь. Погодный контроль столицы мог бы так не частить с дождями.

В готовившемся к закрытию кабаке Ульму удалось разжиться холодным крудлем с рыбой и чаем в бумажном стаканчике. Срочность срочностью, а завтрак никто не отменял – в конце концов, на сытый желудок и голова работает лучше.

Он успел выбросить стаканчик до того, как подойти к Олке.

– Простите, простите, расступитесь, расступитесь... – ему пришлось пробиться через небольшую толпу, собравшуюся на Площади Инженеров, несмотря на ранний час – за разномастными спинами маячила знакомая фигура в старом коричневом пальто.

Пару раз кто-то шипел ему вслед – тогда Унелъм, не оборачиваясь, показывал разъём на запястье и карточку отдела.

Шипение тут же затихало.

– Гарт. Я ведь написал: «так быстро, как сможешь».

– Да я даже не поел! – сказал Унелъм, улыбаясь. – Только вскочил – и сразу к вам...

– Ты у меня доиграешься, Гарт, – беззлобно отозвался Олке. – Между прочим, у тебя крошки на воротнике. Идём.

Унелъм последовал за ним – в сторону высокого особняка из тёмного камня, инкрустированного тут и там эвениевым рогом. Мрачноватое место – даже деревья вокруг были какими-то серыми и пожухлыми, несмотря на журчание садовых фонтанчиков у их корней.

По периметру мрачного особняка оказались расставлены охранители – оружие в руках, сразу над ним – постные лица.

На пороге, попивая кофе, стояли старший охранитель Гельт, всегда напоминавший Ульму средних размеров недоброго медведя, и Вирна – кропаль лет тридцати пяти. Вирна не была членом их отдела, но консультировала и их, и охранителей. Стройная, с копной золотых кудрей и безупречной осанкой, она произвела на Унелъма немалое впечатление, когда Олке впервые представил их друг другу.

Завидев Ульма, она ослепительно улыбнулась – а вот Гельт явно не обрадовался.

– Что он здесь делает? – буркнул он, обращаясь к Олке.

– И вам доброе утро, – вставил Унелъм, улыбаясь Вирне.

– Кому утро, а кто со вчера на ногах. Только птенцов для полного счастья мне здесь и не доставало...

– Гарт – мой помощник, – спокойно сказал Олке. – Его работа – быть здесь. Помогать мне – и учиться, чтобы однажды работать самостоятельно. Все готовы?

– Давно готовы, – пробурчал Гельт.

– К счастью, никто ничего не трогал, – сказала Вирна своим певучим голосом. – К охранителям обратились сразу. В комнату никто не заходил... Сразу после того, как увидели, что внутри.

Вслед за Гельтом, Вирной и Олке Унелъм зашёл в прохладную прихожую с потолком высоким, как в храме Души. Свет почти не проникал сквозь плотные зелёные стёкла, но валовые светильники были приглушены.

– Хозяева были за городом, но уже едут сюда, – сказала Вирна, проходя вперёд. – Прислугу мы выставили. Так что мы здесь одни. Пока не было никого, кроме фототиписта. Нам сюда.

Это Унелъм и так уже понял – по тяжёлому, сладковатому запаху. Он задышал ртом.

– Что, голова закружилась? – спросил ехидно Гельт, но Унелъм удержался от ответной шпильки.

– Нет, я в порядке.

Вирна открыла двустворчатую дверь, ведущую в просторную комнату со сводчатым потолком.

– Господин Аллеми – очень набожный человек.

«Оно и видно», – подумал Ульм. Там, где в большинстве богатых особняков располагалась гостиная, здесь сооруди-

ли настоящий маленький храм. Изображения Мира и Души, Снежной девы и её слуг, свечи, плавающие в чашах, курящиеся по углам благовония, гонг у стены...

А под гонгом Унелъм увидел то, из-за чего они пришли.

Крови было много – так много, что невозможно было поверить, что вся она вылилась из одного человеческого тела.

Унелъму ужасно хотелось отвернуться, но он чувствовал на себе взгляд Гельта – и смотрел, пока не заслезились глаза.

Убитому было, должно быть, лет двадцать пять, но искажённое страданием лицо казалось постаревшим. Ульм заметил седину в почерневших от крови волосах – и содрогнулся при мысли о том, что при жизни никакой седины, может, и не было.

Тёмно-зелёный камзол в пятнах крови; один рукав оторван. Почерневший язык вывалился изо рта, на губах – кровь. Белый кружевной платок затянут вокруг шеи, как удавка.

В правой глазнице зловещей насмешкой торчал глаз орма, горевший жёлтым огнём. Вырванный глаз – странно-маленький по сравнению с ормовым, с голубой радужкой, лежал рядом на ковре.

Запах здесь был сильным, и никаким благовониям его было не заглушить.

Унелъм порадовался, что не успел позавтракать плотнее.

Вирна осторожно опустилась рядом с телом на одно колено, сняла с плеча сумку с инструментами, натянула перчат-

ки. В её глазах был интерес – и только.

– Итак, у нас маньяк, – сказал Олке, наблюдая за тем, как её руки порхают над трупом. – Ожидаемо – хотя я надеялся, что ошибаюсь.

Вирна надела очки из синего стекла, достала мешочек костной пыли, принялась с помощью кисточки тонким слоем наносить её на лицо и руки юноши:

– Не будем делать преждевременных выводов. Это мог быть подражатель. С гибели Селли прошло не так много времени. Кто-то мог воспользоваться ситуацией, чтобы решить свои задачи.

– Колотые раны, как и у Селли, – сказал Унелъм, с радостью отметив, что ему удалось произнести это без дрожи в голосе. – И глаз... Неужели в Химмельборге может оказаться двое убийц, которые провернули бы такое?

– В Химмельборге возможно всё. – Олке нетерпеливо подался вперёд. – Вирна?

– Это был один человек, как и в прошлый раз. Отпечатков пальцев пока не вижу... Но это мерцание одного. Видимо, в кожаных перчатках, но мне потребуется сделать более серьёзный анализ. Уже дома... В смысле, в лаборатории. Раны... Колото-резанные, нанесены лезвием... Скорее всего, небольшой нож – две, может, три ладони. Сталь.

Её руки продолжали порхать над телом, время от времени извлекая новые склянки и пузырьки. Зелёная жидкость змейкой скользнула по полу, погрузилась, не смешиваясь, в

лужу крови. Белый порошок, как снежное крошево, парил в воздухе – и оседал на бесстрастном каменном лице статуи Души.

– Глаз орма... Ненейтрализованный, «дикий». Снова. Глаз жертвы... Вырезан. Тем же оружием, которым наносились раны. Но это явно было сделано после... Парень был уже мёртв.

– Кто он? – тихо спросил Унелъм, но Олке услышал.

– Младший сын динна Аллеми. Вам с Вэлом, кстати, под руководством Мем поручается найти про него всё, что сможете... Где бывал, с кем дружил, с кем спал... Я хочу знать, как проходили его дни от пробуждения и до отбоя. И главное – нужно узнать, был ли убитый связан с Селли.

– Высокородные динны, – пробормотала Вирна, набирая кровь в пробирку. – Наследники... Молодые, красивые. Вся жизнь впереди. Химмельборг давно такого не видел...

– Да уж, – Гельт хмыкнул, – если бы в чистеньких газетках Сердца города писали о том, что мы регулярно находим в Нижнем городе, они бы удивились меньше.

– Нижний город, – повторил Унелъм задумчиво. Там он пока не бывал, даже несмотря на то что успел полюбить Химмельборг и горел жадой исследовать его от и до. Конечно, Унелъм много слышал о нём. Город в городе... Самая непредсказуемая часть Химмельборга. В Нижнем городе жили наиболее маргинальные – и наиболее безбашенные. Именно там правил бал чёрный рынок, на котором заключа-

лись самые безумные сделки. Там грабили и убивали по ночам, а драки посреди дня были обычным делом. Номинально, конечно, закон Химмельнов действовал там так же, как в любом другом уголке Кьертании. На практике охранители не слишком любили туда соваться – а те, кому приходилось, заключали сделки с местными царьками, чтобы удержаться на плаву.

Унелъм слышал, что каждый год накануне Шествия туда приходилось направлять большие отряды охранителей – устраивать облавы на молодёжь, не желавшую проходить через Арки. И, несмотря на хвастовство газет, не было сомнений, что некоторым удавалось ускользнуть, так и не пройдя испытание.

– Думаете, убийца может быть оттуда? Из Нижнего города?

– Я бы не удивился. Но кто бы и откуда бы он ни был, одно ясно... Он из ваших. Препаратор, – Гельт выплюнул это слово, как грязное ругательство, и Олке нахмурился.

– Препараторам и чёрный рынок бы не понадобился, – добавил Гельт. – Раз-два, и нужная деталька в кармане.

– Это не так работает, – сухо отозвался Олке. – Но ты ведь и сам в курсе, не так ли? Добыча строго учитывается. Хранилища закрыты, и доступ есть у немногих. Препараторы не носят артефакты из Стужи в карманах...

– Теоретически, – заметила Вирна, не отрываясь от работы, – что-то такое, конечно, может произойти. – Она пойма-

ла взгляд Олке и виновато опустила взгляд. – Ну... Ты служишь истине, так ведь? Истина такова. Редкий случай... Но это возможно.

– Много вариантов, – пробормотал Унелъм. – Карманы охотников... Чёрный рынок... Хранилища...

– Любая зацепка сейчас ценна. – Вирна делала соскоб с глазницы Аллеми, и Унелъм наконец не выдержал – отвернулся. – Но дождитесь результатов анализа. День, максимум два... Я надеюсь, что дам вам больше информации.

– Газетчики нас сожрут, – мрачно заявил Гельт, и Олке кивнул – хоть в чём-то эти двое были согласны. – Теперь скажут, что мы не смогли поймать урода – и вот, ещё один мёртв.

– Ну, в целом, так и есть, – заметила Вирна, убирая кисточку в очередную пробирку и аккуратно вставляя её в гнездо в сумке. – Зато теперь – не в обиду тебе, милый, – Ульм не сразу понял, что обращалась она к убитому, – у нас будет больше информации. Больше шансов поймать маньяка... И предотвратить новые преступления.

– Думаете, он убьёт снова? – спросил Унелъм, и Олке кивнул.

– Наверняка. Такие не останавливаются... Их останавливают. Так или иначе.

– Десять лет назад один такой орудовал в Нижнем городе, – сказала Вирна, застёгивая сумку. – Убивал женщин... Скажем так, лёгкого поведения. Успел прикончить пятерых.

Был неуволним...

– О, помню, помню, – оживился Гельт. – Богатеи про это толком знать не знали – было велено не пугать их тем, что творится в Нижнем городе. Тогда подонкам пришлось объединиться с охранителями. Каждую ночь патрулировали улицы... А тот ублюдок будто смеялся над нами. Один раз убил несчастную девчонку прямо у нас под носом. Она ещё тёплая была, когда мы её нашли.

– И что в итоге случилось? Вы его поймали?

– Нет. Его нашёл Белый Верран...

– Кто это?

– Он называет себя владельцем Нижнего города, – хмыкнул Гельт. – У него были свои причины нам помочь.

– Угу, – Вирна поднялась, наконец, с пола. – Отдал нам тело убийцы таким изуродованным, что его пришлось разложить по нескольким ящикам, чтобы переправить в Охрану. Я тогда только начинала помогать охранителям... Мы сперва думали, что нам подсунули липу, просто чтобы власти убралась из Нижнего города. Конечно, там боялись маньяка... Но мы явно здорово мешали всем вести дела. В общем, убийства после этого прекратились. Личность убийцы мы так и не установили, но...

– Если бы меня допустили до этого дела, – начал Олке, и Гельт хмыкнул:

– Что тогда? Оно не касалось ваших дел... И даже если бы...

– Всё в Кьертании касается «наших дел», – неожиданно резко ответил Олке. – Слышал что-то о Жнеце? Бешеном охотнике? Их обоих закрыл я. Я и моя команда. Так что не говори «даже если бы».

– Во всяком случае, теперь у тебя точно есть шанс снова показать себя в деле. – Гельт поглядел на тело Аллеми. – О опередишь нас – сорвёшь большой куш, да?

– Деньги меня не заботят, – сухо сказал Олке, и при одном взгляде на его побитое жизнью пальто вряд ли кто-то заподозрил бы его в неискренности. – Только истина. Идём, Гарт. Теперь наш черёд всё осмотреть.

Гельт вышел, чтобы проводить Вирну, и Унелъм придвинулся ближе к Олке.

– Вы знаете, с чего можно начать? С глазами?

– Прежде всего, проверим хранилища, – сказал Олке, доставая собственные кисточки. Как и в прошлый раз, им с Ульмом предстояло обработать субстратом хаарьей жёлчи все поверхности в комнате. – Если кому-то хватило ума украсть оттуда два глаза, найти концы будет нетрудно. С прошлым ничего выяснить не удалось... Но теперь у нас вторая пропажа. Вероятность, что кто-то что-то заметил, повысилась вдвое.

– А что с чёрным рынком? Кому-то нужно будет пойти в Нижний город, так?

– Не надейся, Гарт. Если понадобится – туда пойдут охранители. Никак иначе. И не вздумай ничего предпринимать

самостоятельно. Скорее всего, тебя там убьют – а потом я найду тебя и убью ещё раз. Это понятно?

– Более чем.

– Вот и отлично. За работу.

Осмотр дома Аллеми длился и длился без конца, и уже через час у Унельма колотило в висках от тяжёлых запахов трупа и благовоний. Самому ему почти ничего не приходилось делать. Тенью он следовал за Олке, наблюдая за тем, как тот осматривает каждую половицу, каждое тёмное пятно. В местах, которые казались ему подозрительными, Олке оставлял яркие наклейки – время от времени спрашивая Ульма о том, почему, как ему кажется, он обратил на них внимание.

Наконец, видимо, оценив позеленевшее лицо ученика, Олке махнул рукой.

– С тебя хватит, Гарт. Забери мои сумки и отнеси их в отдел. Мне ещё надо зайти кое-куда, не хочу с ними таскаться. Я уже написал Мем про Аллеми – так что она скажет тебе, что делать дальше. Вэл – под твою ответственность. Пусть занимается бумагами по Селли.

Хорошо, что бедняга Вэл, служивший в отделе куда дольше самого Ульма, этого не слышал.

Сумки Олке оказались тяжёлыми, будто набитыми камнем, но Унельм не почувствовал их веса – выйдя за порог проклятого дома, он жадно вдыхал воздух. Чистый, прохладный, прозрачный воздух.

Он едва успел выйти за ворота, когда перед ним появи-

лась, спеша к особняку, пожилая пара.

Очевидно, наследник динна Аллеми был поздним ребёнком. Тощая женщина с высокой причёской опиралась на руку грузного мужа с всклокоченными волосами и глазами, налившимися кровью, и смотрела прямо перед собой, будто не видя. Унелъм стоял совсем близко и заметил, что по лицу динна струятся слёзы, а ещё – что под его брюками мелькнули разноцветные носки. Один – чёрный, другой – белый. Почему-то именно это свидетельство беспредельного горя поразило его сильнее всего.

Уходя, Унелъм от всего сердца малодушно порадовался, что ему не придётся быть рядом, когда эти люди увидят своего растерзанного сына. Уже сворачивая за угол, он услышал у себя за спиной жуткий вой, похожий на звериный. Он никогда не подумал бы, что так может кричать женщина. Холодок пробежал у него по спине, и он прибавил шагу, стараясь хоть ненадолго забыть и об Аллеми, и о его родителях. Выходило плохо.

Впервые Унелъм поймал себя на горячем, искреннем желании найти убийцу не из одного только стремления получить награду из рук отца Мил.

Когда он добрался до отдела, голова всё ещё болела, а руки ныли от сумок Олке. Ни Мем, ни Вэла на рабочих местах не было. Редчайшее явление – Вэл, бывало, уходил обедать в город, но вот Мем, как казалось Унелъму, дневала и ночевала на службе. До сих пор он не мог представить себе её стол

пустым.

Унелъм прошёл в кабинет Олке и аккуратно пристроил сумки в углу. Он уже собрался уходить, когда заметил края бумаг, торчавших из одной из них. Протоколы, которые он вёл в Гнезде – Ульм узнал собственный почерк.

Раз его записи здесь, значит, возможно, и записи Олке тоже.

Долгую минуту Унелъм боролся с искушением. Если не вовремя вернётся Мем или Вэл или, того хуже, Олке узнает, что помощник рылся в его вещах, со службой в отделе можно попрощаться.

Здравомыслящий человек оставил бы сумки нетронутыми и ушёл в общую комнату дожидаться Мем, но Унелъм никогда не отличался чрезмерным здравомыслием.

Быстро, чтобы не передумать, он щёлкнул замком сумки и извлёк отчёты Олке. Не забывая чутко вслушиваться в тишину коридора, быстро пролистал страницы. Как и сам Гарт, наставник явно блуждал в потёмках, судя по многочисленным знакам вопросов на полях.

Коридор молчал, и Унелъм осмелел, стал вчитываться внимательнее. Препараторы, гостившие или бывшие в связи с членами семей диннов – или сами отпрыски таких семей, – возможные пересечения с Селли, мелкие ссоры... Ни что особенно не привлекало внимания, пока Ульм не наткнулся на имя Эрика Строма. Оно возникло на полях как будто из ниоткуда, но было выведено твёрдой, уверенной ру-

кой.

У Олке действительно были причины подозревать ястреба Сорты в таком страшном преступлении? Может, наставник хотел о чём-то спросить его, или записал имя между делом, отвлекшись на мысли о контрабанде?

Ниже обнаружились записи с допроса Кьерки, коменданта общежития. Больше ничего в пометках Олке не показалось Ульму подозрительным, но эти записи занимали почти два листа – на остальные допросы уходило по полстраницы. Олке подробно расспрашивал Кьерки о дне бала – но ведь его там не было?

Дольше других Олке допрашивал и Томмали Ард. Почти полторы столицы. Вопросы, вопросы... Взгляд Ульма выхватил название – «Хлад». Он несколько раз повторил его про себя. Судя по записям, Томмали в этом самом «Хладе» несколько раз выступала. Видимо, рассказала об этом Олке не сама охотница, а кто-то ещё – иначе запись была бы не на полях.

Что с того?

Унелъм так и не понял, чего именно искал Олке, кружа вокруг Кьерки и Томмали, как вурр, загоняющий жертву. Но в том, что он чего-то искал, сомнений быть не могло. И Эрик Стром... К чему здесь Эрик Стром? На допросе в Гнезде его даже не было.

Ульм вернулся было к записям, но в этот момент хлопнула дверь, и он торопливо сунул записи в сумку и щёлкнул

замками, а сразу вслед за тем услышал голос Мем, которая звала его. Он вышел в общую комнату и сразу увидел её – она стояла у своего стола, тяжело опираясь на него одной рукой.

– Сумасшествие какое-то, – мрачно сказала она, не поздоровавшись. Выглядела она неважно: седой пучок растрепался, пальцы, жёлтые от табака, дрожали так, что перстни стучали друг о друга. Кажется, впервые Унелъм видел её растерянной.

– Что случилось? – спросил он осторожно. – Может, заварить чаю?

– К дьяволам чай, – выдохнула она, извлекая из стола флягу и прикладываясь к ней. – Ещё один, Гарт. Меньше суток прошло... Наследник Рамсонов. Совсем мальчишка... Как и те двое. Олке уже в пути. Пошевеливайся. Он ждёт.

– Ага, – пробормотал Унелъм, чувствуя, как голова идёт кругом. – Понятно. Да.

– Вот, возьми. – Мем сунула ему фляжку, и первый же глоток обжёг его горечью пламени.

– Сердце города давно такого не видывало, – медленно произнесла она. – Если мы не разберёмся с этим как можно скорее, нас разорвут на части.

Не лучшая метафора – с учётом того, что случилось с жертвами убийцы, – но Унелъм благоразумно промолчал и вернул Мем флягу.

– Спасибо. Скажите, куда ехать. Олке ведь сделает всё, что сможет...

– Как и все мы, – пробормотала она. – Вот только иногда мне кажется, что этого недостаточно. Ни одной зацепки... Это не человек – дьявол.

– Дьяволов не бывает, – не очень уверенно отозвался Ульм. – А человек рано или поздно совершит ошибку.

– Вряд ли благородные динны будут ждать этого, пока их детей убивают одного за другим, – хмыкнула Мем, становясь наконец снова самой собой. – Не слушай меня, Гарт. Нытьём делу не поможешь. Поторопись. И будьте осторожны. Бумаги я возьму на себя. Тебе нужно в Сердце Химмельборга, на площадь Дреккера Химмельна. Большой особняк с зелёными стёклами – сразу увидишь.

Дождь наконец прекратился, но на улице было противно и мокро. Унелым поднял воротник куртки повыше и прибавил шаг, стараясь не думать о том, что он увидит, когда доберётся до места.

Звериный вой динны Аллеми снова стоял у него в ушах.

Газета «Голос Химмельборга»

«Новое жестокое убийство потрясло жителей Химмельборга. Жертвой стал юный динн Рамсон, наследник знатного дома, которому столь многим обязана Кьертания. В эту тяжёлую минуту действующий глава охранителей Сердца города Адоркер Бьерн призывает всех проявить благоразумие и положиться на мудрость Химмельнов, которые...

Читайте дальше на стр. 5. «Добыча дравта

стабильно растёт», – заявляет благородный динн Рамрик Ассели.

Читайте дальше на стр. 7. **Главный праздник Кьертании прошёл с необыкновенным размахом!**

День единства Кьертании запомнился всем – от благородных диннов столицы до жителей далёких окраин...»

Газета «Светоч Кьертании»

«... автор письма склоняется к мысли, что охранители отмалчиваются, а специальный отдел ни на что не годен! Сколько ещё наследников знатных семейств должны быть убиты, чтобы были приняты действенные меры?»

Газета «Таинственное и необъяснимое»

«Теперь мы абсолютно уверены: убийца, якобы препаратор, на деле явился на улицы города прямиком из Стужи!»

Сорта. Только мы

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Стужа пела.

Раньше это казалось намёком, миражом, обещанием – теперь я слышала это так же ясно, как собственное дыхание.

Белая снежная грудь дышала тоже – плыла вверх, вниз, в такт ударам моего сердца. Я шла вперёд – быстро, но не слишком, уверенно, но осторожно.

Снег молчал под моими подошвами – со временем я научилась охотничьему искусству ходить по покровам Стужи почти бесшумно.

Где-то вдалеке с серебристым звоном взлетел, разрезая воздух, фонтан льдинок, выброшенный дышлом вала.

«Он уходит».

Левый глаз потеплел. Я не ответила – в этом не было нужды. Стром тоже чувствовал меня.

Я продолжила двигаться вперёд, больше не глядя туда, где прокладывал через льды свой маршрут гигантский снитир. Драгоценная добыча – но мы явились не по его душу.

Вперёд, вперёд – Стужа звала, я шла ей навстречу. Каждая жилка в теле пела, и эликсиры бродили в крови, разгоняя по

ней предвкушение.

«Он близко».

Я и сама чувствовала это, и когда он появился – огромный, струящийся по снегу, как тёмная кровь, – была готова. Вурр скалил зубы, глядя на меня. Он тоже был полон предвкушения.

Обычно вурры перемещаются стаями. Этот был исключением, одиночкой.

Лёд, твёрдый, как камень, крошился под его когтями. Длинный гибкий хвост охаживал бока. Шерсть, свалявшаяся острыми ледяными сосульками, позвякивала на каждом шаге. Уши были прижаты, глаза горели алым. Твёрдый панцирь защищал грудь и шею. Мне пришлось бы нелегко, пожелай я его убить.

Но именно этого мне следовало избегать всеми силами.

«Вправо».

Отзвук голоса Строма ещё не утих в моей голове, а я уже послушно метнулась туда, куда он меня вёл.

Ястреб видел душу снитира – и она выдала намерения тела. Вурр метнулся влево – неотвратимо, как молния, – туда, где меня уже не было.

Он проехал по снегу вперёд, мотая чудовищной мордой и глухо рыча. Не привык промахиваться.

Стром молчал. Ему было не до меня – где-то здесь же, и одновременно с этим неизмеримо далеко, на ином слое Стужи, он боролся с душой снитира. Теперь дело было за мной.

Я скользнула вперёд, предупреждая новый прыжок зверя – и прокатилась у него между лап. Чудовищная туша мелькнула надо мной – и шумно приземлилась позади. Я перекаталась по льду – раз, другой.

Вурр сменил тактику, ударяя по льду лапами... Но каждый раз я оказывалась быстрее, и удар приходился на место, откуда я успевала ускользнуть.

Ещё раз, ещё. Эликсиры вскипели в сосудах, препарат, вшитый в бедро, и ещё один, под лопаткой, завибрировали, и я почувствовала себя бессмертной, неуязвимой. Вурр считал себя хозяином Стужи, но сейчас это я играла с ним, я заставляла его предвкушение смениться недоумением, а потом и яростью.

Ещё несколько раз – а потом я кувыркнулась назад, вскочила и прыгнула с края ледяного холма, на котором мы с вурром сошлись в поединке. Плащ-крыло расправился у меня за спиной, ловя струи холодного ветра.

Я спланировала вниз, напрямик в высокий мягкий сугроб – и всего мгновением позднее вурр оказался там же. Снежная крошка осыпала меня с ног до головы, запорошила защитные очки. Будь я прежней Сортой, рекрутом, ученицей Строма, и только – я бы, должно быть, запаниковала.

Но не теперь. Я побежала вперёд спиной – так же уверенно, как бежала бы прямо, – на ходу вытирая очки и извлекая из-за пояса прашу.

Вурр бежал на меня – алый язык вывалился из пасти, и

на миг я ощутила прикосновение его зловонного дыхания на лице. Где-то там продолжал собственную битву Эрик – но сейчас я об этом не думала. В этот миг ни Строма, ни слоя Души, ни центра препаратов, ни Химмельборга не существовало.

Были только мы. Я и снитир, желавший моей смерти.

Если он преуспеет – я стану добычей, продлю ему жизнь. Если преуспею я – его тело станет даром, что продлит жизнь многим в Кьертании.

Неравные ставки – но вурру до того нет дела... А вот яне имею права проиграть.

И не проиграю.

Я дождалась его и сделала шаг в сторону. Сосульки шерсти мазнули меня по руке, и я ощутила острый укол в локоть. Не снитир – укус Стужи, холодом скользнувшей в крохотную прореху в струде.

Больно – но неопасно, если я залатаю её не позднее, чем через пять минут.

Вурр снова прыгнул – время пошло.

Это было, словно танец – он прыгал опять и опять, а я вновь и вновь уворачивалась, выискивая разрыв по времени – самый маленький, всего на несколько секунд... Этого хватило бы, чтобы использовать пращу, но вурр не давал мне передышки.

Алые глаза оказались совсем близко, и на миг я подумала, что стоит отступить. Стром не давал такой команды, но

я чувствовала – отмечая это отстранённо, как будто про кого-то другого, – что пока не выдыхаюсь... Но близка к этому, а значит, могу допустить ошибку.

«Ещё раз!»

Слова, которые я слышала сотню, тысячу раз, подбросили моё тело, как разжавшуюся пружину. Мысли и ощущения больше не имели значения. Мой ястреб приказывал продолжать – и я снова метнулась вбок, проскользнула под занесённой для удара лапой.

Ещё раз. Снежная крошка осыпала меня слева, попав в дыру в струде, и я зашипела от боли.

Ещё раз. Гигантские клыки лязгнули в опасной близости от моего лица.

Ещё... Я прыгнула, на лету чувствуя, как сводит мышцы ног, как цепенеют от напряжения пальцы... А потом вурр замер, будто наткнувшись на невидимую преграду. Алые глаза мигнули злым, голодным огоньком, словно Стужа посылала мне прощальную угрозу.

До встречи.

А затем взгляд вурра погас. Сосульки шерсти негромко, печально позвякивали на ветру, но это было мёртвое, неопасное движение.

Эрик Стром убил душу зверя – и теперь его тело принадлежало Кьертании. Точнее, будет принадлежать Кьертании... Но до тех пор вурр был моим.

Он стоял, слепо таращась мимо меня, и глаза не вспыхну-

ли жизнью, когда я обошла его по кругу, позволив себе – всего на несколько секунд – расслабиться, прочувствовать, что опасность миновала... И полюбоваться смертоносной, свирепой мощью, теперь полностью подвластной мне.

Но, прежде чем вести его к центру, нужно было залатать струд. Я стащила мешок с плеча, пальцами в перчатках нашарила набор для починки, достала лоскут, костяную иглолку с нитью, пропитанной валовым жиром, и принялась торопливо штопать прореху. Пару раз я, кажется, кольнула себя в руку иглой, но не почувствовала этого. Оставалось надеяться, что я не опоздала.

Закончив со струдом, я тронула вурра за загривок, подтолкнула вперёд. Он последовал за мной покорно, как преданный пёс за хозяином, растившим его из щенка.

Переступив порог центра, вурр застынет, и там за дела возьмутся механикёры – начнётся разделка. Но до тех пор он шёл рядом со мной, как друг, – и на миг мелькнула шальная мысль сесть на жёсткую, покрытую коркой льда спину.

«Иде».

«Эрик».

Два огонька в Стуже – тёплых, живых.

Только мы.

* * *

Центр встретил меня суетой и ярким слепящим светом. Я

почти почувствовала сожаление, оставляя безмолвную и величественную Стужу позади. Вурра и меня обступили механикёры. Кто-то хлопал меня по плечу, кто-то смеялся, кто-то что-то говорил... Все звуки долетали до меня издалека. Я позволила течению центра подхватить меня и понести в нужную сторону – туда, где охотники переодевались, мылись, лечились, становясь из тех, кем они были в Стуже, теми, кто мог выйти в Химмельбург и притвориться частью его повседневности.

Кропаль Лил встретила меня в кабинке, охая и бормоча, – я не слушала. В глазах у меня всё ещё белела ледяная взвесь, в ушах стучал ток собственной крови. Эликсиры рассасывались, исчезали – на их месте растекалась холодная пустота.

Стужа пела... Всё ещё пела во мне.

Лил что-то спросила – я не ответила. Руку обожгло болью под её пальцами – и я отстранённо подумала, что успела. Плоть не потеряла чувствительность – а значит, прореха в струде не стоила мне части руки.

– Мы закончим сами.

На пороге кабинки стоял Эрик Стром. Его волосы были влажными – он зачесал их так, чтобы они закрывали изуродованное ухо – и уже был одет для выхода в город: чёрный камзол, рубашка, штаны, заправленные в высокие сапоги.

Лил послушно проскользнула мимо него. Его появление здесь было против правил – но никто не спорил с одним из Десяти.

Стром, не щадя чистых штанов, опустился на колени рядом с низкой скамьёй, на которой я сидела, и внимательно осмотрел мою руку. Струд с меня уже сняли, и после душа я была в одной тонкой белой рубашке. Под его взглядом мне стало холодно – я почувствовала себя куда более незащищённой, чем в Стуже.

– Нужно быть осторожнее, – мягко сказал он, зачерпывая немного зелёной мази с острым запахом из одной из баночек, оставленных кропарём. – Ты была недостаточно быстрой – и вот результат. – Его пальцы втирали мазь в обмороженное место сильно, без жалости, и я стиснула зубы, чтобы не издать ни звука – но всё равно не удержалась, тихо зашипела от боли, и Стром остановился.

– Мне уже можно продолжать?

Я кивнула, и мазь опять обожгла мне плечо.

– Я была быстрой. Просто вурр оказался быстрее... – Собственный голос показался чужим.

– Это и называется «была недостаточно быстрой». – Он убрал зелёную мазь и взял новую, прозрачную, густую. Её прикосновения после той, первой, были почти приятны и холодили кожу. – Сейчас станет легче.

– Я в порядке.

– Само собой. – Его пальцы двигались теперь по-новому – почти ласково, утешающе. По коже пробежали мурашки. – Помнишь, какой совет я дал тебе перед первым выходом в Стужу?

– «Не дай Стуже тебя очаровать».

– Верно. Я говорил, что рано или поздно наступит момент, когда ты почувствуешь себя уверенно... И что именно тогда тебе нужно стать ещё осторожнее. Этот момент настал, Хальсон. Не забывай об этом. – Его пальцы мягко двигались по кругу, и теперь обмороженная кожа не чувствовала ничего, зато вокруг неё волнами расходился жар. Мне хотелось попросить его, чтобы он убрал руку – или чтобы никогда не убирал её.

Но он, разумеется, убрал – и рука тут же заболела опять, как будто именно прикосновения моего ястреба, а не прозрачная мазь, врачевали рану.

– Одевайся. Мы опаздываем.

– Значит, ты всё же пойдёшь со мной?

– Я же обещал. Но подарок отдам позже, хорошо? Не успеваю заехать домой.

Я вспыхнула:

– Это необязательно. – Меньше всего мне хотелось, чтобы Эрик Стром подумал, что я пригласила его ради подарка.

– Само собой, обязательно. Или в Ильморе дни рождения празднуют как-то иначе?

– Девочки будут рады тебя видеть, – сказала я, не слишком ловко пытаясь сменить тему, и Стром хмыкнул:

– Когда Ласси увидела меня близко в первый раз, она расплакалась.

– С тех пор она сделала большие успехи.

– Безусловно. Один раз я даже поймал на себе её взгляд.

Мы болтали как ни в чём ни бывало, – потому что приятно было просто говорить ни о чём, наполняясь чем-то тёплым, живым, человеческим, чувствуя, как из тебя постепенно вытекает Стужа... А ещё потому, что стены моей кабинки – как и других – были украшены хаарьими ушами, истрёпанными по краям. Уши слабо трепетали при звуках голоса.

– Куда идём? – спросил Стром, когда я переоделась и вышла из кабинки.

– В «Валовый фонтан».

– Прекрасное место для праздника.

Кажется, Эрик Стром относился к дням рождения серьёзнее, чем я. Может быть, стоило захватить с собой что-то нарядное. Но форма препаратора мне нравилась. Чёрный и белый, простые линии и минимум украшений – вышивки в виде путеводной звезды, символа охотников, не в счёт. Я провозилась в кабинке дольше обычного, заплетая четыре косы и укладывая их вокруг головы.

– Хорошо. Мне нужно кое-что ещё сделать, но я быстро тебя догоню. – Теперь, убедившись в том, что никто не подслушает наш разговор, он наклонился ближе и тихо сказал: – Я нашёл кое-что новое. Думаю, мы совсем близко.

Глядя ему вслед, я думала, чего во мне больше – радости от его слов или досады от того, что даже в день рождения он не давал мне забыть о том, что нам предстояло.

С другой стороны, зная Строма, можно было предполо-

жить, что он хотел только порадовать меня новой зацепкой.

В конце концов, почти все наши вечера были теперь заняты дневником Гасси. Поначалу мне трудно было справиться с тем, что кто-то другой – даже Эрик, – не знавший Гасси, прикасается к этим страницам. Но ястреб старался пропускать все фрагменты, имеющие отношение к нашему с Гасси общему детству – а если не успевал перестать читать вовремя, после никогда не говорил о прочитанном.

Мне хотелось верить, что он проявлял уважение к моему прошлому... И я старательно гнала мысли о том, что оно, быть может, просто не слишком интересуется его – особенно по сравнению с возможностью вычислить координаты Сердца Стужи.

Чем больше мы читали, тем больше убеждались в том, что Стужа действительно говорила с Гасси. Наверное, ему непросто было поверить в это – и не раз он писал о том, что боится сойти с ума. Гасси верил в науку, разум – терзавшие его сны, наполненные звёздным небом, так похожим по описанию на то, что сияло в Стуже над нашими головами, и таинственными шёпотами, что, должно быть, мучили его и сбивали с толку.

Напрасные мечты – и всё же иногда я жалела, что не могу быть рядом с ним сейчас, уже взрослой, охотницей. Я бы рассказала ему, что описанные им места – Расколотый лес, Чёрные земли – не плод его воображения или воспалённого рассудка.

Я видела их, я была там.

Как мог бы Гасси, ни разу не бывавший в Стуже, просто придумать их?

«Так странно... Я вижу и слышу это, но не могу справиться с ощущением, что оно ко мне не относится. Как будто оказался где-то, где мне быть не следовало... И теперь стою в тёмном коридоре, зажав дыхание, и тихонько слушаю то, что, может, не предназначено для моих ушей.

Ни шагу назад – потому что тогда, быть может, меня заметят.

Сегодня опять – долгий, путаный сон, змейки и стрелы, а потом – место, какого я точно не видел даже на страницах книг. Чёрная скала, покрытая снегом, похожая на кошку. За ней...»

Описанные места снабжались кое-где длинными цепочками символов, каждый из которых мы со Стромом кропотливо переносили в блокноты для расшифровки. Скоро мы поняли, что последние несколько символов, выделенные квадратными скобками, в каждой такой заметке – координаты. Недели ушли на попытки понять, что значат символы перед ними, но они не были похожи на ош, почти не повторялись. По словам Строма, они намного больше походили на знаки и символы, которые снились в детстве ему самому, – но полных совпадений обнаружить не удалось. В конце концов мы решили сосредоточиться на системе координат.

Чтобы не запутаться, я обратилась к многочисленным по-

пыткам препараторов прошлого изобразить карту Стужи, но очень скоро поняла, что все они – по-разному неверные и неполные – не нужны, когда рядом со мной есть Стром.

Никто не помнил мельчайших подробностей постоянно меняющегося, текучего ландшафта Стужи так, как Эрик. Он одинаково легко мог описать не только расположение друг относительно друга редких неподвижных частей Стужи, вроде озера Плач или Закрытого пика, но и движение в течение всех тех лет, что он выходил на слой Души, даже самых нестабильных ориентиров.

Когда он говорил об этом, взгляд у него делался странным – затуманенным, как у людей, вспоминающих дом, в котором они провели детство... Как у людей, вспоминающих что-то любимое. Стужа Эрика Строма. В такие моменты я не могла осмыслить, что именно он мечтает её уничтожить.

Иногда мы забывали о сне, ища соответствия, пытались найти ту сияющую точку, что разрастётся во мраке – и соберёт все детали вместе, позволит понять значение каждого символа... А значит, расшифровать ту повторяющуюся под знаком круга с расколотой молнией комбинацию...

Поначалу мы сомневались, что знак относится именно к Сердцу – но чем дальше, тем меньше оставалось сомнений.

«Центр», «способ перевернуть», «средоточие» в сочетании с усиливающимся ближе к концу записей интересом Гаси к легендам о Стуже... Это должно было привести нас к Сердцу.

Но до сих пор все пути вели в никуда.

На двоих мы выстроили, должно быть, несколько десятков возможных комбинаций того, как символы Гасси соотносятся с цифрами... Но стоило придумать систему, в которой координаты Плача соответствовали действительности, как выяснялось, что Ильмор по ней оказывался где-то за пределами Кьертании...

«Думаю, мы совсем близко...»

...Возможно, моим подарком на день рождения окажется точка на карте Стужи... Попытка добраться до Сердца, приключение – и смертельный риск.

* * *

«Валовый фонтан» был и вполтину не таким дорогим и модным местом, как те, в которые порой приглашал меня Стром, но мне здесь нравилось. Именно в этот ресторанчик недалеко от Зверосада я водила Аду и Ласси по выходным. После мы гуляли по Зверосаду или отправлялись в Шагающие сады – послушать живую музыку и выпить кофе с пирожными.

Должно быть, «Валовый фонтан» так полюбился и мне, и сёстрам тем, что напоминал о доме. Мебель здесь была простая, из светлого нелакированного дерева, столы покрывали белыми скатертями, расшитыми алыми узорами, похожими на те, что так любила Миссе. Вышитые крестом и гладью

олени, вороны и колосья плясали в хороводе, когда скатерть взлетала от порыва ветра из открывшейся двери.

Стены украшали сухоцветы в вазе и траченные молью олени шкуры, к которым хотелось ненароком прижаться щекой.

Я заранее попросила оставить за мной большой стол в углу, и за ним меня уже ждали. Девочек пока не было, зато во главе стола устроились Кьерки и Маркус. Они изучали меню и что-то оживлённо обсуждали. Рорри, сидевший на углу, сгорбленный и угрюмый, в их разговоре не участвовал. После гибели Миссе у него появился новый ястреб. От ещё одной перенесённой операции по вживлению радужки орма вся левая половина лица у него потемнела сильнее прежнего и была теперь почти лиловой.

– Вот и наша именинница! – закричал Кьерки, улыбаясь и стуча кружкой по столу. – Мы уже заказали выпить. Правильно?

– Она ведь только из Стужи, – хмыкнул Маркус, – конечно, правильно.

Я кивнула:

– Ещё как. Привет, Рорри.

Он буркнул в ответ что-то, весьма отдалённо напоминающее ответное приветствие.

– Садись вот сюда, у окошка, – Кьерки похлопал по стулу рядом с собой. – Здесь очень красиво падает свет.

В этом был весь Кьерки.

– Спасибо. – Я улыбнулась ему и села рядом. Он заговорщически подмигнул.

– Я пригласил Томмали прийти. Ты ведь не против? Она сказала, что очень занята, но если у неё будет время, может, она тебе споёт...

Я была абсолютно уверена в том, что прекрасная Томмали в который раз не отзовётся на приглашение Кьерки даже из жалости, но торопливо закивала:

– Конечно. Отличная идея.

Подошла подавальщица, и я заказала закуски. Вслед за кувшинами снисса и ягодного сока нам принесли корзины с хлебом и крудлями, пироги с олениной и рыбой, помидоры и зелень, грибы с сыром и маринованный лук в красном соусе.

– Дождёмся остальных? – спросил Маркус, косясь на пироги, и я милосердно покачала головой.

– Ешьте. Потом ещё закажем.

Все, кроме Рорри, накинулись на еду. Он вяло жевал крудль и, судя по всему, не слишком различал, что именно ест. От весёлого, доброго парня, рядом с которым всегда становилось спокойнее, не осталось и следа. Рорри похудел, осунулся. Я надеялась, что вечеру в тёплой компании удастся хоть немного его порадовать, но, возможно, для этого потребуется больше снисса. Или больше времени.

– Выпьем за Сарту! – будто прочитав мои мысли, Кьерки поднял кружку. – Двух дорог и горячего сердца!

– Двух дорог и горячего сердца! – повторил Маркус, и да-

же Рорри пробормотал что-то с ним в унисон. Мы выпили, и пошёл обычный разговор – про Стужу, добычу, дворцовые сплетни, последний бал и городские новости.

– Уже слышали про новое убийство? – спросил Маркус, перекладывая добрую половину грибов из миски к себе в тарелку.

– Опять? – Кьерки помрачнел.

– Ага. Вчера вечером. Какой-то очередной благородный хер. Всё то же самое, что у первых двоих, – глаза нет, вместо него глаз орма. Я прочитал в газете, что его всего изрезали... Может, парень пытался сопротивляться, не знаю. Там писали, что его, может, калечили уже после того, как...

– Может, хватит? – спросил вдруг Рорри. – У Сорты день рождения вообще-то.

– Да всё в порядке. – Мне стало неловко. Разговоры об убийствах меня не слишком трогали, но, должно быть, стоило поблагодарить Рорри, который впервые за весь вечер ради меня нарушил своё невесёлое молчание.

– Десяти следовало бы самим заняться этим делом, – пробормотал Кьерки.

– Зачем? – вдруг заговорил Рорри. Видимо, снисс, первый кувшин с которым опустел, наконец развязал ему язык. – Это дело охранителей и сыщиков. Разве не они должны заботиться о том, чтобы все в городе были в безопасности?

– Эти убийства бросают тень на всех препараторов, – Кьерки покачал головой. – Пока они продолжаются, каждый

из нас под подозрением.

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – осторожно сказала я. – Препараторов слишком много, чтобы это «бросало тень на всех».

– Всё равно всё это нехорошо, – пробормотал Кьерки.

– Чего уж хорошего, когда кто-то умирает, – буркнул Рори, и над столом повисло неловкое молчание.

– Сорта! – Двери очень вовремя отворились, впуская внутрь прохладный воздух и моих сестёр. Я поднялась, чтобы встретить их, и уже через мгновение они повисли на мне – совсем как в прежние времена, встречая меня из школы.

Обе были одеты по-химмельборгски – как я и мечтала когда-то, в бархат и шёлк. Я почти ничего не покупала для себя, но Аде и Ласси мне хотелось дать самое лучшее, чтобы ни одна девчонка в пансионе, куда мне удалось их определить, не могла задирать перед ними нос.

Глядя их золотистые головки, любуясь их платьями, я старалась не думать о том, что здесь и сейчас должны были оказаться ещё две девочки.

– Мы принесли подарок, – объявила Ада, блестя весёлым взглядом в сторону глазевшей на неё компании. Что уж там – все посетители «Валового фонтана» поглядывали на двух хорошеньких девочек, ворвавшихся сюда, как солнечные лучи. Но если Ласси неуютно ёжилась под чужими взглядами, Ада явно наслаждалась чужим вниманием. До этого было далеко, но я заранее радовалась, что выбрала пансион, куда маль-

чишкам не было ходу.

– Доставай, – скомандовала она, и Ласси покорно полезла в сумку. Я показала младшую сестру лучшим врачам, которых помог найти Стром, но полностью вернуть ей слух так и не вышло. После перенесённой трясучки левое её ухо оглохло совсем, а вот правое различало большую часть звуков. Голову для этого приходилось поворачивать определённым образом, и поэтому теперь Ласси всё время держала её слегка наклонённой вбок, как насторожённая птица. Несколько месяцев назад я завела разговор о кропарях и протезах, но с упрямством прежней Ласси моя сестра ответила: нет. До сих пор мне не удалось ни переубедить её, ни понять, почему она отказывается даже думать об операции.

Под двумя нетерпеливыми взглядами я развернула коричневую бумагу, перевязанную золотой ленточкой.

Рукавицы. Красные, как ягоды кислицы, и очень тёплые с виду. На правой был вышит белыми нитками олень. На левой – чёрная птица.

– Это ястреб, – сказала Ада. – Я связала их сама и вышила оленя. А ястреба – Ласси.

Это объясняло, почему птица была кособокой. Ласси, в отличие от Ады, вышивание никогда не давалось. Кроме того, силуэт оленя был традиционным, а вот ястреба, видимо, пришлось придумывать с нуля.

– Мы сделали, чтобы ты грелась в Стуже, – сказала Ласси, до сих пор молчавшая.

Она не любила говорить в людных местах, потому что артикулировала теперь странновато, а произносила слова слишком громко, и стеснялась этого.

Я постаралась улыбнуться им обоим как можно более радостно. Не стоило говорить, что обычные рукавицы для Стужи не годились.

– Какие красивые. И тёплые... – я нацепила рукавицы, прижалась к ним щекой. – Я буду носить их. Часто. Спасибо вам.

– Садитесь к нам! – Кьерки, понявший, что о ком-то здесь нужно позаботиться, само собой, не мог усидеть на месте. – Угощайтесь. Садитесь вот сюда, поближе к сестрёнке. Какие вы обе красавицы! Как дела в пансионе?

Миг – и Ада уже весело болтала с ним, а Ласси угрюмо протискивалось за стол вслед за сестрой.

Если бы у меня было больше времени с ними – я бы наверняка нашла способ растопить холод, который сковал её сердце. Я помнила, какой весёлой, смелой была Ласси когда-то. Но после трясучки, глухоты, после того, как мама, Вильна и Иле умирали у неё на глазах, что-то в ней сломалось... Мы с ней до сих пор не поговорили об этом.

Мне хотелось верить, что время поможет исцелить её. Время, а ещё Химмельборг с его теплом, радостями и богатством. Во всяком случае, это я могла им дать – и собиралась стараться изо всех сил.

Ада перенесла случившееся куда лучше. Может быть, по-

тому, что с самого начала счастливо оказалась в гостях у госпожи Торре. Да, она, как и я, не успела попрощаться с мамой и сёстрами... Зато и наблюдать за их угасанием ей не пришлось.

Теперь все, кроме Строма, были в сборе. На столе появились соки, блинчики с лимоном и конвертики с кислицей – Ада их обожала – а разговор потёк мягче и спокойнее, без упоминания убийств.

Кьерки то и дело пытался разговорить Рорри – мне казалось, тому было бы гораздо легче, оставь его все в покое.

– Он получил письмо от госпожи Луми, – шепнул мне Кьерки, когда мы оба стояли, дыша воздухом, на улице у дверей.

– Вот как. – Постыдное, колоссальное облегчение.

Я радовалась, что мать Миссе не писала мне.

– Да. Бедный парень... Не знаю, как вообще она умудрилась раздобыть его адрес, ведь он уехал из Гнезда.

Мы помолчали.

– Что было в письме?

– А как ты думаешь... – Кьерки вздохнул. – Людям, которые переживают чудовищную потерю, всегда нужно кого-то обвинить.

– Бедный Рорри.

– Да уж... Я надеялся, парень скоро придёт в себя, но это письмо... Его просто придавило к земле, понимаешь? Не знаю, как ему помочь...

Я собиралась ответить Кьерки, когда на нас обоих упала тень.

– Я сильно опоздал? – Я почувствовала, как губы помимо воли расплываются в улыбке. Я старалась не думать об этом, но в глубине души боялась, что он не придёт.

– Ты вовремя.

Мы трое как раз собирались вернуться в «Фонтан», когда в спешащей мимо вечерней, весёлой химмельбургской толпе я заметила Томмали. Кьерки тихо ахнул, заулыбался, поспешил ей навстречу – мы со Стромом, не сговариваясь, пошли внутрь.

– Ну и ну, – шепнул мне Стром, улыбаясь. – Я был уверен, что она не придёт.

– Я тоже.

С появлением Строма все было притихли, но он заказал снисса, оленины, ещё крудлей, и скоро стол опять зашумел. Маркус – с попеременным успехом – пытался вовлечь Рорри в обсуждение его нового ястреба. Ласси – это порадовало меня больше любых подарков – тихо попросила Эрика Строма рассказать ей про слой Души, а Ада хихикала и ахала, слушая.

Я была здесь в кругу друзей, в кругу семьи – и, сидя между Стромом и Адой, мечтала, чтобы вечер никогда не заканчивался, чтобы время вести сестрёнок в пансион не наступало.

Подошли к столу Кьерки и Томмали. По тому, как суетился Кьерки, вспыхивая и подвигая прекрасной охотнице

стул, видно было, что ничего между ними особенно не изменилось... Но добрейшему Кьерки, кажется, хватало и этого, и я была за него рада.

Томмали сдержанно поздравила меня, ровно улыбнулась – мои сёстры замерли, видимо, поражённые её красотой.

– Спеть тебе, Хальсон? – спросила Томмали, подтягивая к себе футляр с музыкальным инструментом – без него она, должно быть, и не выходила из дома.

– Я уже спросил, здесь петь можно, – вставил Кьерки, и я кивнула.

– Конечно. Это лучший подарок.

Томмали кивнула – пряди золотых волос упали на идеальное лицо, прикрывая глаза, разномастные, как у всех охотников. Она извлекла из футляра кивру – округлый деревянный корпус, всего пять струн, – но все, кто хоть раз слышал Томмали, знали, какие чудеса она может творить с ними.

Она настроила кивру, и полилась музыка – нежная, лёгкая, серебристая, как утренний снег. Все в «Валовом фонтане» притихли – даже люди за соседними столами прервали беседы, слушая.

Томмали спела о ястребе и охотнике, собирающихся на охоту на вала, а потом о душах умерших, танцующих в белизне Стужи свой последний – вечный – танец. О златовласой владельнице, полюбившей садовника, который вырос- тил во славу ей необыкновенную синюю розу в глубине дворцового парка... Песни летели одна за другой, как белые пти-

цы над водой, перекликаясь, помогая друг другу.

Я посмотрела на своих друзей. Сёстры слушали затаив дыхание – но если Ада шурилась от удовольствия, то Ласси, уронившая голову на бок, чтобы лучше слышать, глядела сумрачно. Кьерки улыбался по-детски, радостно, словно получив неожиданный подарок. Маркус покачивался в такт музыке, и даже Рорри как будто немного посветлел лицом.

Я посмотрела на Эрика Строма – и поймала его взгляд. Он смотрел на меня, а Томмали всё пела, на этот раз что-то о любви, крови, смерти и предательстве. Не самая подходящая песня для дня рождения – но из уст Томмали всё звучало нежно.

*На снегу – кровь, на руках – кровь,
И во мне кровь, и в тебе...
Бежит, обгоняя, бежит, напевая —
И красен закат в высоте...*

Томмали пела, пела и пела – взгляд её остекленел, и я понимала, что поёт она уж давно не для меня или моих гостей, но всё равно была благодарна ей – и Кьерки, который её позвал.

Наконец Томмали умолкла, и «Валовый фонтан» взорвался аплодисментами, восхищёнными криками, смущённым смехом людей, с трудом стряхивающих с себя очарование.

Мало-помалу все вернулись к прерванным беседам, но сколько бы ни было съедено и выпито, я как будто продол-

жала слышать песни Томмали, её звенящие слова-птицы, оставшиеся парить в воздухе – а вместе с ними песнь Стужи, всё ещё тихим, призрачным отголоском звучавшую во мне.

ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА

Из тетради I

1

Когда мы только собирались в Химмельборг, я решил вести дневник с первого дня. Я подумал: в Тюре мало кто бывал в столице хоть раз, а мне повезло поехать насовсем! Если писать о том, что вижу, каждый день, получатся мемуары.

Папа говорит, что все умные и достойные люди писали мемуары, чтобы рассказать потомкам, как им жилось.

Но когда я приехал в первый раз, Химмельборг так мне понравился, что я ничего не записал. Вечером сразу уснул, даже не успел помолиться Миру и Душе, хотя мама говорит, что это нужно делать каждый вечер.

Ну, ничего, когда так выходит, утром я молюсь два раза.

Мне приснились какие-то спирали и круги, они

сомной будто бы немножко говорили, и это было смешно и странно.

В общем, мы тут уже неделю, а я собрался писать в первый раз. Думал, буду скучать по нашему дому в Тюре и по нашей собачке. Её не разрешили взять с собой, она осталась у папиного друга. Папа говорит, что о ней будут хорошо заботиться, но я немножко поплакал, когда никто не видел.

Теперь я снова скучаю по Малке, она мне даже снится. Сегодня вот снилось, что всё это время Малка была в дорожном сундуке, просто мама и папа забыли, что мы её взяли. А тут я её нашёл. Она так радовалась и визжала, и я тоже радовался, и проснулся такой счастливый... Только это оказался сон.

Папа сказал, что я должен перестать скучать по Малке, потому что любить кого-то – это не значит думать о том, чтобы тот, кого любишь, был рядом любой ценой. Любить – значит думать о том, чтобы ему было хорошо.

В Тюре мы жили за городом, почти в лесу. Малка привыкла бегать на свободе. А в Химмельборге ей было бы грустно.

Мне тоже не хватает леса, но пока несильно – здесь не так много деревьев, но зато река течёт та же, Химма. Только тут вода в ней как будто грязнее, а ещё река скована набережными и мостами. Но кажется, ей всё равно не скучно. Она играет всем, что в неё попадает.

Домов здесь видимо-невидимо, и некоторые высоченные. Я таких никогда не видел.

Мы живём в огромном доме. Два этажа только для нас троих. У папы есть своя комната, только для его книг, а у мамы своя, в ней шкаф с платьями, и камзолами, и туфлями, всякими красками для лица и смешными кисточками. Она радуется и говорит, что теперь будет много ходить в театры и музеи.

Мама родилась в столице и, наверное, всегда скучала по ней. Теперь она может жить тут, и на службу, как папе, ей ходить всё равно пока не надо. Она говорит, может, больше и не будет совсем, ведь у неё есть я, а мама всегда должна быть рядом со своим ребёнком.

У меня тоже есть своя комната. В ней есть книжный шкаф и большой стол, и через круглое окошко – ярко-жёлтый свет... Я пока не хожу в школу, только помогаю разбирать вещи, читаю книжки с мамой или один, а потом гуляю с родителями, если у них есть время. Если нет, тут даже у окна сидеть интересно. Столько всего можно увидеть! Вчера у нашего дома опрокинулась повозка, и много народу, наверное, больше десяти человек, все вместе её поднимали, а олень успел ускакать вниз по улице.

В школу идти не хочу. Отец говорит, нет ничего такого, что невозможно было бы понять самостоятельно, если умеешь думать.

Мама считает, что мне надо проводить больше времени с другими детьми. Недавно я слышал, как она говорит папе, что в Тюре я и так одичал. «Одичал», так она и сказала. Что я совершенно не умею вести себя, находить друзей, и что потом от этого мне будет трудно.

Пока я ничего такого не чувствую. В Тюре я несколько раз пытался говорить с детьми, но это всегда оказывалось скучно. Уж точно скучнее, чем читать книги, говорить с лесом или мамой с папой. Да что там, даже с Малкой было интереснее, хотя она и не умеет разговаривать. По крайней мере, она всё понимала, всегда.

Со следующей недели нам придётся всё время ходить в центр, но мама сказала, бояться нечего. Я сказал, что и так не боюсь. Она сказала, никто не станет заставлять меня делать то, что не хочется.

Я очень не хотел оставлять Малку, а её всё равно оставили.

2

Мы ходим в центр почти каждый день, и мама злится. Я так и не пошёл пока в школу, но зато ко мне ходят учителя. Папа говорит, что они самые лучшие, и я должен уважать их и во всём слушаться.

Госпожа Ларри учит решать задачи, и это интересно, но уроки истории ещё лучше. Может, когда я вырасту, я мог бы работать историком. Не таким, как господин Каске, который учит других, а настоящим исследователем. Господин Каске рассказывал о таких. Они изучали Стужу и пытались понять, откуда она взялась и почему появилась именно у нас, в Кьертании.

Вот было бы здорово оказаться тем, кто откроет все её тайны.

Ещё приходит Бор, он так и просит называть его, Бор, хотя он совсем взрослый. Он учит бегать, драться с ножом и без ножа, правильно падать. Ещё каждый день приходится поднимать грузы и делать упражнения. Терпеть это не могу. Он приходит каждое утро, даже в выходные. Как-то я думал попросить маму, чтобы он хоть иногда не приходил, но она сказала, что это очень важно. Вчера Бор сказал, что если я буду стараться, он скоро начнёт учить меня стрелять, а это, конечно, было бы здорово.

Надо заканчивать писать, хотя бы пока. Мама обещала прийти перед сном и почитать мне. Я и сам могу, но с ней всё становится интереснее.

Когда перед сном она говорит мне: «Засыпай, мой милый», я чувствую себя дома, хотя мы и уехали из Тюра.

3

В прошлый раз я хотел рассказать про центр, но уснул. Мне опять снилось странное, но просыпаться не хотелось, так это было интересно. Но когда я проснулся, всё забыл.

Так вот, центр. Это оказалось скучнее, чем я думал, и иногда больно, хотя мама говорила, что больно не будет.

Хорошо, что мы ходим туда вместе. Не потому что я хочу, чтобы маме тоже было больно, конечно, а потому, что возвращаться вдвоём весело. По дороге мама всегда покупает мне очень сладкий кофе, потому что я прошу

положить много сахара, и говорит, что это наш с ней секрет. Отец считает, что кофе мне пить рано.

Мама добавляет в свой кофе что-то из бутылочки, которую она обычно носит с собой, но мне попробовать не даёт. Говорит, это напиток только для взрослых. Не очень-то и хочется – пахнет он гадко.

В центре у нас часто берут кровь такими маленькими острыми трубочками. После этого, бывает, кружится голова. Лорна, которая берёт кровь, говорит, что после хорошо поесть сладкого, и всегда даёт мне шоколад. Ещё иногда она же наклеивает мне на лоб много маленьких липких штук на таких тонких хоботках. Лорна объясняла, что всё это сделано из снитиров. Она назвала это смешно: дары Стужи.

В Стужу снова ходит на службу папа. Я тоже хотел, когда был маленьким.

Я не запомнил названия снитиров, которые приносила Лорна. Мне кажется, всё это надо знать только препараторам, а я препаратором не буду, уже написал, потому что теперь решил, что буду историком. И исследователем.

Возможно, тогда я мог бы забрать Малку. В одной книге про исследователей, которую я читал, у команды была своя собака, и она помогала искать.

Маму уводят в другие отсеки, и потом она бледная и усталая. Наверно, у неё тоже берут кровь трубочками, потому что она много пьёт сладкий кофе и питье из бутылочки, а три дня назад я слышал, как она плачет у себя в комнате. Наверное, она устала ходить в центр.

Думаю поговорить об этом с папой. Никто не сможет нас заставить, если он запретит туда ходить.

4

Я поговорил с папой, но он выглядел расстроенным и попросил меня больше об этом не говорить.

5

Мы с мамой и папой ходили слушать концерт в Шагающие сады. Оркестр играл почти два часа, и было очень красиво. Мы сидели прямо рядом с озером, и на воде плавали яркие огоньки.

Мне стало немного скучно ближе к концу, и тогда я посмотрел на маму и увидел, что она плачет. Папа держал её за руку.

6

Лорна сказала, что скоро я наверняка смогу пойти в школу. Но пока что центр отнимает слишком много времени.

Я даже люблю центр иногда. Лорна и другие ласковые и много смеются, но в последнее время мне кажется, что маме там совсем не нравится, а ещё я устаю от жужжащей машинки, которой они стали часто крутить у меня над головой. После неё болит голова

и зудит кожа под волосами, как будто в них завелись жуки. Это противно.

7

Недавно в центре потеряли маму. Довольно забавно, мы же туда постоянно ходим и всё-всё знаем. Но её час не мог никто найти, и я тоже, а потом она вышла из-за угла как ни в чём не бывало.

Мама смеялась. Лорна тоже смеялась, но мне показалось, что глаза у неё были холодные.

8

Сегодня мы с Лорной вдвоём ходили в Зверосад. Мне показалось, что маме это не очень понравилось, но она разрешила, потому что я сказал, что хочу. С Лорной бывает весело, потому что она говорит с тобой так, как будто ты тоже взрослый. Но ещё бывает странно, потому что иногда мне кажется, что у каждого её слова как будто есть слово-тень.

9

В школе оказалось не так уж весело. Хорошо, что я бываю там только два раза в неделю, и все мои учителя продолжают ко мне ходить.

Папа обещал взять меня охотиться в лес, ради этого

можно и потерпеть.

Сны стали приходить чаще. В снах я вижу звёзды, но не такие, какие можно увидеть ночью в Химмельборге или Тюре. Больше похожи на звёзды в лесу – такие же большие и яркие, и их много. В городе из-за фонарей звёзды видно плохо.

Эти звёзды как будто говорят со мной, но я не могу их понять, потому что языки у нас разные. Их язык – как будто мерцание. С утра даже непонятно, почему я решил, что они вообще говорили. Но ночью я знаю это наверняка.

Решил зарисовывать знаки, которые они рисуют, какие вспомню. На всякий случай. К тому же они красивые.

10

Мы ходим в центр больше года. Сегодня Лорна познакомила меня с благотворителем. Я так и не понял, кто он здесь, в центре. Раньше я никогда его не видел.

Ему показывали всё – аппарат из валового пузыря, хоботки и огоньки, образцы крови...

Потом Лорна подвела его ко мне. Выглядел он обычно, невысокий, полный. Я бы никогда не подумал, что такой может испугать всех в центре... А я чувствовал, что они испугались. А в нём ведь не было почти ничего особенного. Кроме глаз. Было в них что-то вроде того, что иногда видишь ночью за окном, если кажется, что совсем темно, но всё равно продолжаешь

всматриваться.

Он, как взрослому, пожал мне руку, а потом стал спрашивать об учёбе, маме и папе и о том, как мне нравится Химмельборг, центр, Лорна и другие. Довольно глупо, ведь Лорна была рядом.

Потом он взъерошил мне волосы, уже как маленькому, и угостил яблочными дольками из кулька.

Я слышал, как он сказал Лорне: «Великолепно. Что ещё мы узнаем о нём?»

Возможно, он говорил обо мне. Но я не уверен, ведь в тот день они обсуждали столько всего.

11

Я слышал, как мама кричала, а потом из той комнаты, где она кричала, выбежала Лорна, очень красная и злая.

Мама больно схватила меня за руку и сказала, что мы идём домой.

12

Я давно не писал в дневнике. Столько всего произошло за это время... Мы поехали в Тюр, но на полпути нам пришлось сойти с поезда и жить какое-то время в Руморе.

Мама сказала, что это каникулы, и мы их заслужили.

Но потом к нам приехали люди из центра, и

пришлось возвращаться домой.

13

Мама всю неделю грустная, и я не знал, как её развеселить. Она много плачет и пьёт очень много кофе с сахаром и питьём из своей бутылочки.

Я пробовал читать ей вслух, а ещё я даже нарядился Ледяным королём, потому что помню, как это веселило её, когда я был совсем маленьким.

Но когда я сказал: «Я – король Стужи! И я заберу тебя, и всех твоих дочек и сыночков!», как полагается Ледяному королю, она начала плакать, а потом странно дышать... Пришёл папа и сказал мне уйти.

Потом он долго говорил, что маме плохо, и мы должны её поддержать. Что я молодец, что стараюсь. И что с нами всё будет хорошо, если мы будем держаться вместе.

Мне опять снились звёзды. Сегодня они были злые, как будто устали, что я ничего не понимаю.

(Здесь записи обрываются; тетрадь II оказалась утеряна)

Эрик Стром. Знаки Стужи

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Когда они вернулись домой, проводив Аду и Ласси до пансиона, уже совсем стемнело.

– Ты довольна праздником? – Эрик Стром разжёл огонь в очаге, но не стал включать валовые светильники. Комната плавала в уютном полумраке, и он опустил на диван, расслабленно откинулся на спинку. Давно пора было заменить этот диван на другой, поудобнее. С тех пор пор как Эрик прочно обосновался на нём – он так и не сделал Сорте ключей и уже привык всегда ночевать дома, – подушки на нём совсем продавились и истрепались. Но по-своему это было даже приятно; было в этом что-то домашнее.

– Да, очень. – Иде устроилась за столом, по-детски подпёрла щёку ладонью. – Если бы Рорри не грустил, было бы идеально, но, наверное, так даже лучше.

– Действительно?

– Да. Когда что-то идёт не так, остальное лучше запоминается.

– Пожалуй. Но испортить что-то – не единственный способ запомнить. Я ведь должен тебе подарок, так?

Она старалась казаться равнодушной, но Стром видел: взволнована.

– День ещё не закончился, а я уже получила больше подарков, чем за годы до этого.

– Подарков много не бывает. – Он достал из тумбы, ближайшей к дивану, тяжёлый бархатный футляр и протянул ей. – Вот. С днём рождения, Иде. Двух дорог и горячего сердца.

– Что это? Это связано с охотой?

– Открой и посмотри.

Она отбросила ленточку, которой был перевязан футляр, и щёлкнула крышкой с обычной женской нетерпеливостью – как ему и хотелось, хотя бы на миг от обычной холодной сдержанности Иде Хальсон не осталось и следа.

Некоторое время она молча рассматривала лежавшую на бархатной подушечке подвеску в виде распростёршей крылья птицы и мерцающую, как струйка льда, серебряную цепочку.

– Как красиво, – наконец сказала она. – Это ястреб?

– Мне кажется, она больше похожа на птичку поменьше. Мне просто понравилась форма... Сказать по правде, единственный символизм, который мне хотелось вложить в неё, – это отсутствие всякого символизма. Мне хотелось найти что-то, не связанное ни с охотой, ни со Стужей... Тебе не нравится?

– Очень нравится. – Она бережно подцепила цепочку, по-

гладила подвеску пальцем. – У меня никогда раньше не было таких украшений.

– Я заметил. Подумал, может, стоит это исправить.

– Очень красиво. – Она явно силилась и не могла сдержать радостной улыбки. – Спасибо.

– Хочешь надеть?

Она кивнула, слишком взбудораженная, чтобы говорить.

– Тогда подойди. Я помогу.

Она приблизилась медленно, как зверёк, чувствующий ловушку, повернулась к нему спиной. От прикосновения пальцев лёгкие волосы у неё на шее приподнялись. Стром с трудом поборол в себе желание прикоснуться ещё раз, щёлкнул замочком.

– Готово.

Она отошла к зеркалу без малейшей заминки, и Стром подумал: может, её напряжение ему только привиделось.

– У меня есть и ещё один подарок. Думаю, ты знаешь, какой.

– Ты знаешь, куда идти? – Её взгляд засиял ярче, и он залюбовался ею. – Координаты?..

– Думаю, да. До сих пор мои пути вели в никуда, как будто то, что шептала мне Стужа, было мороком... Но, похоже, для Гасси всё было по-другому. – Горькое разочарование в его голосе не укрылось от неё. Он вдруг почувствовал тёплое, мимолётное прикосновение – охотница тронула его руку.

– Символ в его дневнике и твоих записях... Если вы с Гас-

си связаны... Может быть, мы с тобой и вправду должны были встретиться.

– Судьба – утешительная выдумка, Хальсон. – Стром убрал руку, и она отвернулась. – Жаль, что твой друг погиб. Но его гибель, как и гибель Рагны – всё это будет не напрасно, если мы преуспеем. А мы преуспеем. Теперь я уверен.

– Ты разобрался с системой?

– Да. Гасси, видимо, любил головоломки?

– Думаю, ош показывает это довольно ярко.

– Безусловно. Но ош – не единственная головоломка дневника. – Стром потянулся к столу, подтолкнул к Сорте последние записи. – Координаты Гасси – внутри оша – оказались зашифрованы. Не самый сложный шифр... Но и не самый простой. Комбинация Гамссона. Слышала о таком?

– Нет. – Она выглядела немного уязвлённой.

– Это шифр, зависящий от даты написания. Даты твой друг, к счастью, расставлял в дневнике исправно.

– Почему ты сразу не сказал, что думаешь про шифры? Я могла бы помочь.

– Я всего пару дней как начал... Был уверен, что это тупик. Но ключ повернулся быстро. Думаю, на этот раз мы у цели. Вот здесь – то, что у меня вышло. Наши координаты.

Она склонилась над листком.

– Далеко от вешек...

– Да. Там редко кто-то бывает – где ему и быть, как не там? Я уже всё подготовил. Через два дня нас пустят в центр

ночью. Никто не должен знать, что мы были там вне службы.

– Конечно, – она запнулась, – ты уже делал так прежде?

– Много раз. Но каждый раз – один. Я думал, может, расскажу Рагне, когда найду его... Но этого так и не случилось.

– Если мы найдём его... что будем делать?

До сих пор они не говорили об этом, слишком занятые переводами с оша, расчётами, службой, снова расчётами...

– Постараемся не погибнуть в схватке с дьяволами. Полагаю, одолеть дьявола не сложнее, чем снитиров... К тому же с ними не придётся осторожничать. Так что мы справимся. И заберём Сердце... полагаю.

– Думаешь, его можно будет просто взять и унести с собой?

– Понятия не имею, – честно ответил он. – Но это было бы лучшим вариантом. У меня есть контакты, сведущие и в редких артефактах Стужи, и в науке, и в магии. Возможно, они сумеют понять природу Сердца.

– И уничтожить Стужу, – прошептала Сорта. Он чувствовал – она всё ещё не верит, что это возможно. Потому и произносит вслух – услышать, как звучит.

– Ты заслуживаешь мира без Стужи, Хальсон, – сказал он тихо. – Как и твои сёстры. И многие, многие другие люди. Без Химмельнов. Без холода. Без клетки.

Некоторое время оба они молчали, глядя на огонь. Косы Хальсон продолжали лежать волосок к волоску, несмотря на вечер – скрученные так туго, что у неё, должно быть, боле-

ла голова. Глаза – чёрный и золотой – всматривались в пламя, как будто спрашивая у него, как быть. Она рассеянно поглаживала большим пальцем подаренную подвеску, и Эрик вдруг поймал себя на том, что хотел бы сидеть так – с ней, в уютном молчании – ещё долго. Когда они преуспеют, должно быть, им обоим – как и каждому в Кьертании – ещё долго будет не до того.

– Посидим ещё немного? Можем сыграть в тавлы. Хочешь?

Она улыбнулась, кивнула.

– В день рождения мне наверняка повезёт.

– Везение здесь ни при чём, Хальсон. Тебе не нужна удача, чтобы добиться своего.

Она снова улыбнулась – с новой задумчивостью, которую он не сумел разгадать.

* * *

Спустя два дня, ложась в капсулу, он вспоминал о том вечере – о том, как Иде Хальсон наконец приблизилась к тому, чтобы одолеть его на игровых полях. Если прямо сейчас он ведёт её на верную смерть, охотнице уже никогда не обыграть его.

Но думать об этом было поздно. Нервный кропарь, немало получивший за свою помощь и молчание, закрыл капсулу. Плир медленно наполнял её, проникал в тело.

Стром успел подумать – что, если это его последний выход в Стужу, последний – и полетел ей навстречу.

Тёмное небо, расписанное звёздами. Воронки пустоты над снежными пиками и впадинами. Лёгкое мерцание слоя Души... Он подумал, что хотел бы увидеть чёрную ревку ещё разок – весточка от старого друга перед тем, как распрощаться навеки. Не стоило надеяться. С появлением Хальсон ревка стала появляться реже – а после операции пропала совсем.

«Иде».

«Эрик».

Правый глаз стал средоточием всего оставшегося в мире тепла.

«Ты знаешь. Сорок четвёртая. Вперёд».

Она знала. Стром чувствовал её горячее тяжёлое дыхание, слышал скрип снега под ногами, видел пар, поднимавшийся перед лицом.

Они выбрали выход как можно ближе к нужному краю, но идти предстояло дальше – по прикидкам Строма, несколько часов.

Сорта должна была выдержать – самые долгие их охоты продолжались почти сутки, – и всё же он беспокоился за неё.

На миг Эрик остановился, глубоко вдохнул – в далёкой капсуле поднялась и опала грудная клетка. Думать стоило не об этом.

Они двигались вперёд и вперёд сквозь Стужу. За последней вешкой, покосившимся, почти прилёгшим в снег костя-

ным столбом, была дикая Стужа... ещё более дикая и неизведанная, чем та, которую они оставляли за собой.

Само собой, это разделение было весьма условным – особенно с учётом того, с какой частотой менялся рельеф Стужи, падали и пропадали под слоем снега и льда вешки, гибли, в том числе и в двух шагах от дома, препараты... И всё же каждый раз, вылетая за пределы размеченной территории, Эрик Стром ощущал особый трепет.

Но сейчас – ещё больше обычного – ему плевать было на правила.

Сорта помедлила перед тем, как сделать первый шаг, но двинулась вперёд уверенно и ровно. Эрик Стром почувствовал ритм её сердцебиения – ровный, спокойный.

«Иде».

«Эрик».

Мимо него десятками скользили души элемеров – лёгкие, вёрткие, как мальки в пруду. Ниже плавали в серебрении слоя Души создания покрупнее. Он подлетел чуть ближе.

Гибкие лапки с множеством крохотных прозрачных пальчиков, длинные пушистые хвосты, круглые тёмные глаза.

«Элемеры. Васки».

Она не ответила, но её глазами он увидел тела снитиров – суетливых васок и крикливых птичек над ними. Не опасны – но что те, что другие могли указывать на присутствие зверя покрупнее.

Они взяли левее и продолжили двигаться вперёд. Связь

между ними была открыта, и Эрик уловил мысли Иде.

«Вперёд, вперёд... К дьяволам».

Он тоже думал о них. О том, как они могли бы выглядеть. Со сколькими им придётся столкнуться. Несколько месяцев назад он попросил Солли вживить ему два новых препарата. Железа вурра на левой лодыжке – чтобы двигаться ещё быстрее, частица кости бьерана под правой лопаткой – чтобы точнее стал удар.

Он помнил тревогу в глазах Солли.

«Тебе надо бы остановиться, Эрик. Мало в чьём теле сейчас больше препаратов, чем в твоём... И эликсиров для того, чтобы поддерживать их, понадобится больше. Ты уверен, что готов?»

Он был уверен. Уверен несмотря на то что головные боли участились и дважды после последней операции он терял сознание, – хорошо, что оба раза дома, и каждый раз так, что Хальсон не видела.

«Обычное дело. Препараты приживутся. Тело привыкнет. Как всегда».

Солли ничего не ответил, но Эрик и так представлял себе, что он мог бы сказать.

Вперёд.

Если они преуспеют, препараты ему больше не понадобятся. Возможно, он даже решится пройти реабилитацию. Их удалят из его тела – всё, даже радужку орма, – и впервые за долгое время Эрик Стром будет смотреть на Кьертанию

своими глазами. О прошлом будут напоминать лишь десятки шрамов, рассеянных по телу, – карта былых дорог.

Он станет таким, как все. Обыкновенным. Свободным.

И больше никогда не полетит.

Звёзды над ним мигали насмешливо... Звёзды не верили ему.

Он отвернулся от звёзд. Гасси получил координаты, а его Стужа всё это время вела не туда, будто смеялась... И всё же она говорила с ним, именно с ним, поверяла ему свои главные тайны. Стужа любила его, намекала на опасности, берегла в пути. Собранный из её частей, он стал неуязвимым. И теперь собирался воспользоваться её доверием, чтобы предать, разрушить изнутри. Он, сын Стужи, вонзит нож в спину собственной матери.

«Она мне не мать. Моя настоящая мать погибла из-за неё».

«Эрик?»

«Вперёд, Хальсон. Вперёд».

Неподалёку от них проплывало семейство валов – Эрик видел светящиеся голубым следы их путей. Вдалеке – стадо эвеньев, за ними – стая вурров. Слишком увлечены преследованием – и хорошо.

Им очень везло – Стужа благоволила им, позволяя продвигаться вперёд, не чиня препятствий... И разрешая копить силы для решающей схватки.

Победить дьяволов, забрать Сердце – стать героями леген-

ды, которую будут, должно быть, рассказывать веками после того, как они преуспеют. Какой будет Кьертания тогда?

Он почувствовал, как участился сердечный ритм Иде, и взглянул на слой Мира её глазами. Пейзаж Стужи здесь ничем не отличался от привычного, но на миг Эрику показалось: что-то неуловимо переменялось. Другой оттенок белого, отблеск звёздного света? Он сверился с внутренним компасом – единственным, на что они могли ориентироваться.

«Иде. Сто шагов вперёд. Потом левее».

«Поняла. Эрик...»

Она замолчала. Ему хотелось спросить, почему она замолчала. Что она собиралась сказать? Поделиться страхами? Признаться в чём-то – что бы то ни было, для этого был не подходящий момент – или о чём-то попросить?

Её страхи, как и его собственные, не имели значения. Они слишком далеко зашли, поэтому он сказал:

«Вперёд».

И ничего больше.

Холод был лютый – он чувствовал его всем телом Иде Хальсон, и знал, что его телу тоже предстоит расплачиваться, в свой черёд.

Тонко звенел лёд, и ветер, кажется, завывал даже громче обычного... Перед глазами Хальсон как будто опустили тонкий белый саван, а перед его собственными кружились миллиарды частиц сияния, снежные мухи, звёздная пыль... Красиво – и опасно, потому что приходилось особенно на-

прягать зрение, чтобы не просмотреть снитиров или путь во льдах.

Пятьдесят шагов. Сорок.

Что они увидят, когда дойдут до места? Пещеру? Колодец, ведущий в глубь векового ледника? Почему-то Эрик Стром не мог представить себе Сердце Стужи и охраняющих его дьяволов на поверхности – слишком обыденно.

Им надлежало ждать ниже... В глубинах континента, где рождался лёд.

«Здесь».

Она остановилось мгновенно – правая нога зависла в воздухе, и Иде медленно, без звука, опустила её на снег.

Место, где они очутились, ничем не отличалось от любого другого в Стуже. Ни разверзшегося льда, ни глубоких кра-теров...

Ледяные гребни. Невысокие холмы наметённого снега. Серебристый звон.

Обычная Стужа.

Но всё ещё опасная.

«Эрик».

Она осматривала квадрат, в котором они очутились, и он чувствовал её нарастающее недоумение так же, как собственное.

Они однозначно пришли в то самое место. Ночью, после того как Хальсон ушла спать, он дважды проверил координаты. Всё было правильно – и всё-таки...

И тут Эрик Стром различил далёкие тени мерцающих душ.

«Иде! Назад».

Она послушно отступила – мгновенно, как послушала бы его собственная рука или нога. Теперь уже и она видела снитиров – тела приближались к ней по широкой дуге на слое Мира.

Ближе, ближе...

Не дьяволы. Хаары. С десятков, нет, больше, он насчитал дюжину. По отдельности для опытных препараторов – безопасны, не зря их считают добычей новичка, но при встрече с такой стаей не стоило полагаться на удачу.

«Ловушки, Хальсон».

Снова ей не пришлось приказывать дважды. Две широкие сети легли на снег ровно там, куда бежали хаары. Маловато – но этого могло хватить, если они не решат вдруг изменить траекторию.

«Манок».

Об этом он мог бы её не просить. Идя на более серьёзного зверя, Хальсон не брала его с собой, чтобы не занимал место в мешке, но в этот раз умница Иде взяла всё, что можно, потому что никто из них не знал, с чем именно придётся столкнуться.

Она вытащила из мешка манок и поднесла к губам. По слою Мира разнёсся высокий звук, пронзительный, скрипучий. Малоприятный – но для хааров он, должно быть, зву-

чал нежнейшей музыкой. Острые носы задвигались, глаза с вертикальным зрачком жадно замерцали, затрепетали длинные уши, закинутые на покрытые панцирями спины. Быстрые, сильные звери – один неудачный удар длинной мускулистой лапы мог бы вывести Хальсон из строя – но не слишком умные по сравнению со многими другими обитателями Стужи.

Они ломились, не разбирая дороги, прямо навстречу лоушкам – сразу четверо одновременно забились в сетях, визжа пронзительно, как дети. Их души заметались, как обычно хаары, – вперёд, вверх, в разные стороны, чтобы потом устремиться к телам... Вместо того чтобы атаковать угрозу, они прятались.

Но Стром скользнул вперёд, им наперерез. Ледяной клинок выпал из-под рукава. Биться вот так, зная, что победа будет за ним, даже несмотря на то, как их много – о, он всегда чувствовал свою победу как дрожь, как предвкушение – было наслаждением. Он успел поразить три души. Четвёртая ускользнула – скрылась в теле. Хальсон придётся убить его, если душу не удастся выманить. Впрочем, не всё ли равно? Добычи с этой охоты Химмельнам не видать.

На слое Мира следующие хаары споткнулись об идущих впереди, но задние напирали на передних, напозлали на упавших. Хальсон достала пращу, раскрутила над головой.

«Убивай».

Было не время думать о законах – в этот раз противоза-

конным было само их присутствие в Стуже.

Первый же снаряд попал одному из хааров прямо в лоб, и глаза его закатились. Его душа на слое Строма исчезла, и серебрение, казалось, полетело вверх, к далёким звёздам – насмешливые для Строма, к снитуру они, наверное, будут добры.

Следующий шарик из пращи Сорты скользнул левее, чем нужно, и перешиб длинное хаарье ухо. Ухо безвольно повисло, а хаар завопил так, что кровь застыла бы у Строма в жилах, будь он сейчас во плоти.

Трое в ловушке, чьи души он убил, застыли, тупо глядя в пространство пустыми круглыми глазами, роняя слюну на снег. Четвёртый метался, выл, взрывал снег длинными ногами, но не мог освободиться из сети, которая только туже затягивалась вокруг него.

Вторым выстрелом Хальсон добила того, с перешибленным ухом... Но шестеро хааров были всё ещё целы и невредимы – и они бежали прямо на неё.

«Беги!»

Она побежала, на ходу закладывая новый шарик в пращу.

«Не трать время! Беги!»

Он ринулся в скопление призрачных душ, всё это время мечущихся и вопящих на слое Души, над телами. До сих пор они его даже не замечали – но не теперь. Они бросались на него, оскалив клыки, но ледяной клинок разил направо и налево... С каждым ударом очередная душа испарялась, рас-

творялась в ледяном звёздном воздухе, и хаар застывал на снегу слоя Мира в той позе, в которой заставляла его судьба.

Первый, второй, третий, четвёртый... Бежавшие за ней снитирь замирали один за другим, как будто замедлялась брошенная на стол длинным веером колода карт.

Двоих он не успел достать – но Хальсон справилась сама. Одного настиг шарик из пращи – несмотря на приказ, она всё же успела перезарядить, другой всей не защищённой панцирем грудью упал за выхваченное ею – и выставленное вперёд – копьё.

Стром увидел её. Она тяжело дышала, едва стоя на ногах – но была цела и невредима. Одиннадцать снитиров лежали и стояли на снегу... Лишь один продолжал усердно взбивать ногами снег и пронзительно верещать. Он единственный из всей стаи сохранил и тело, и душу.

«Добей его».

Она помедлила – всего на долю секунды, – но Стром заметил... А потом подошла к зверю и один раз, точно и коротко, ударила копьём. Снег окрасился новой кровью.

«Иде. Порядок?»

«Эрик. Да».

Но ему не нужно было слышать её, чтобы чувствовать: охотница измотана, у неё дрожат колени, а спина мокрая от пота, и подкладка снуда липнет к телу.

Но даже это сейчас не волновало его – как не волновали тёмные силуэты хааров на снегу.

«Здесь ничего нет. Уходим».

«Эрик. Может...»

«Я вижу. Уходим».

Стром хорошо представлял себе, что бы она сказала ему, если бы он позволил.

«Ты уверен? Давай пройдем ещё раз, и, может...»

Но он учил её хорошо, и Хальсон промолчала.

Эрик Стром и рад был бы поверить, что что-то упустил. Но дело было не только в спокойствии снегов и ровном дыхании ветра. Он чувствовал: Сердца здесь нет. Дюжина хааров – неправдоподобно большая стая, обычно хаары перемещались семьями по пять-шесть особей – явилась как будто в насмешку.

«Чего ты хочешь?» – он крикнул это прямо в разверстую ему навстречу холодную, пустую пасть.

Стужа молчала.

Возможно, она даже не услышала – зато услышала Хальсон.

«Эрик».

«Прости. Порядок. Идём».

И они повернули назад, потому что искать было больше нечего. Он был уверен, наверняка уверен, что на этот раз найдёт Сердце. Теперь Строму самому было стыдно думать об этом, но он поверил в Гасси, маленького погибшего друга Хальсон, так, будто он был посланным ему мессией.

Возможно, он и вправду взял на себя слишком много.

А потом он увидел – как всегда в Стуже, – то, что возвращало ему надежду в минуты отчаянья. Его ледяная мать была так же добра к нему. Ей как будто и дела не было до того, что он собирается бросить ей вызов. И, летя над Стужей, он увидел знак – один из таинственных знаков в дневнике Гаси, которые они так и не смогли разгадать.

Знак, мерцающий, лёгкий, был начертан дравтовыми жилами на поверхности снегов.

* * *

Несколько часов обратного пути они с охотницей проделали в молчании. Они явились в центр одновременно: она – войдя в открытый специально для неё подкупленным кропарём вход; он – открыв глаза в стремительно пустеющей от плира капсуле.

Всё время осмотра нервным кропарём и потом, стоя под струями горячего душа, он думал, думал – разгадка была совсем близко, только протяни руку.

Ему нужно было подумать – и, видимо, Хальсон это почувствовала, потому что и на выходе из центра, и в автомеханике сидела тихо.

Ему следовало бы заговорить с ней первым, потому что её колени дрожали, а глаза на побледневшем лице казались огромными.

Но первой заговорила она – и только когда они пришли

домой.

– Эрик... – сказала она тихо, опускаясь на колени перед очагом; видимо, силы ей окончательно изменили, – ты очень на меня сердисься?

– Что? – на миг он так удивился, что забыл о собственном разочаровании. – С чего мне на тебя сердиться?

– Не надо притворяться. – Она не отводила взгляда, глядела снизу вверх, не переставая мучить розжиг. – Ты поверил мне... Гасси, его дневник... Я была уверена, что это работает. Тот знак в его записях... И то, что Стужа говорила...

– Иде. Я тоже думал, что это работает. Но, кажется, я начинаю понимать, почему не сработало. Мне нужно подумать. Так что дело вовсе не в том, что я на тебя сержусь.

Она молчала – только ресницы подрагивали.

– Не беспокойся об этом, Иде. Отдай мне розжиг и садись на диван. Тебе надо передохнуть... Это приказ ястреба, – добавил он, увидев, что она медлит. Охотница послушалась.

– Ты сказал, что начинаешь понимать. Что именно? – спросила она уже после того, как в очаге жарко запылал огонь, и они поели вчерашней оленины и выпили по паре рюмок снисса. Цвет вернулся на её лицо, она задумчиво нахмурилась и стала снова похожа на себя саму – сосредоточенную, спокойную.

– Мы ошиблись, но продолжим искать. Однако двигаться вслепую нет смысла, – сказал он. – Есть ещё одна загадка, которую мы должны разгадать. Когда мы были в Стуже сего-

дня, я увидел знак из дневника. Из тех, что мы не расшифровали.

– Увидел знак? То есть... прямо на земле?

– Именно. В него сходились дравтовые жилы подо льдом. Теперь я думаю, что и другие знаки, которые видел Гасси, – это узоры Стужи, узоры дравта. Они стоят перед координатами, как будто ведут к ним. А значит, неудивительно, что мы ничего не нашли, потому что...

– Дравт двигается, – прошептала она. – Течения меняются, верно? Вот почему ты не видел знаков из своего детства в Стуже! Ты был ребёнком, когда увидел их. А к моменту, как стал выходить в Стужу, они уже изменились.

Они кивнул, и они погрузились в молчание – плотное, как во время партии в тавлы.

– Хорошо... – она щёлкнула пальцами. – Дело в дравте. Дело всегда в дравте!

Он кивнул:

– Рисунок, который Стужа показывала мне, рисунок, который она показывала Гасси и, наконец, рисунок, который мы видим сейчас... Три разных рисунка.

– Промежуточный текст, который мы не расшифровали! – Глаза Сорты горели, как у ревки во тьме. – Это переход от рисунка дравта к обычной цифровой системе координат, в которую Гасси всё это перевёл, так?

– Твой друг и вправду был очень умён. А вот мы попытались всё упростить – ну и поплатились за это.

– Получается, что Сердце всё это время двигалось вместе с дравтом?

– Или, наоборот, дравт движется вслед за ним. Да.

– Выходит, чтобы узнать нужное место, нам необходимо понять, как менялись течения дравта со временем, верно? – Хальсон потёрла виски и поморщилась, как от боли. – Мы сопоставим картину, какой она была тогда, когда Гасси писал дневник, с тем, что есть сейчас. Увидим, что изменилось...

– И переведём эти изменения в цифровую систему. После этого Сердце будет у нас в руках. Всё так.

Они помолчали – оба слишком взволнованные, чтобы говорить.

– Я не понимаю одного, – пробормотала Сорта. – Если Стужа и вправду пыталась подсказать тебе и Гасси, как найти Сердце... Зачем ей это? Неужели она сама хочет, чтобы её уничтожили?

– Я тоже об этом думал. Но, кажется, пока нам хватает загадок... Понять мысли Стужи? Не уверен, что мы порадуетесь, если нам это удастся. Давай сосредоточимся на другом. – Он вовсе так не думал. Вовсе не желал отказываться от этих мыслей... Но мысли о Стуже – о ней и о нём в ней – были слишком личными. Ими он не желал делиться ни с кем. Даже со своей охотницей.

– Хорошо. Как же нам узнать, как выглядела карта дравта десять лет назад? Может быть, какие-то архивы?..

– Закрытые, Хальсон, да. В общем доступе этой инфор-

мации нет – я бы знал. Всё, что касается дравта, – дело Химмельнов. В их библиотеке наверняка есть то, что нам нужно, но прийти и уйти незамеченными у нас не выйдет. Но есть и другие дома, имеющие отношение к дравту. Владельцы вышек, которые наверняка вели подобные записи, не акцентируя на этом внимание.

– Значит, нам нужен кто-то, кто владеет вышкой...

– И достаточно аккуратный, чтобы вести подобные записи. Навскидку мне приходят на ум три имени. Раллеми. Усели. И... Рамрик Ассели.

– О нет.

– О да. Он ведь, я помню, жаждал продолжить с тобой знакомство после бала. Так?

– Я ответила вежливыми отказами на два его письма, и он перестал писать. Не думаю, что его приглашение в силе.

– Ты юна и красива. Конечно, приглашение в силе. Напиши ему – он будет счастлив.

За окном совсем стемнело, ветер завывал в трубах. Стром почувствовал, что сегодняшний день вымотал его, и собирался уже сказать охотнице, что пора идти спать, когда, странно напряжённая, притихшая, она вдруг спросила:

– Ты правда так думаешь?

– О чём? О том, что Ассели будет счастлив?

– Нет. О том, что я красивая.

Пламя в очаге дрогнуло. Эрик хотел ответить – но промолчал.

Омилия. Сут-стук

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Они вышли из дворца, когда Химмельборг окутала тьма, но ни мелкий дождь, ни мрачные предостережения Веделы не могли испортить Омилии настроения.

– Ладно, ладно, – сказала она, беспечно глядя по сторонам: ночные улицы Химмельборга не надоедали ей. Омилии казалось, что чем дальше от дворца – тем прекраснее они становились, хотя и теряли в лоске. – В следующий раз позову Ульма в гости, как тебе такая идея?

– Пресветлая шутит...

– Вовсе нет. А мы договаривались, что вне дворца ты называешь меня только «Мил» и никак иначе, забыла?

– Конечно, нет... Мил. Я просто думаю: не уверена, что у нас получится проворачивать это всё снова и снова. Рано или поздно кто-то заметит, и тогда...

– А мне вот кажется, что нет никакой разницы – делать что-то в первый раз или в сотый. Поймать или не поймать могут одинаково.

– Если и в сотый раз быть осторожной, как в первый, может быть... – Ведела натянула капюшон ещё ниже. Они на-

дели одинаковые серые плащи – колючие, но тёплые.

– Мы осторожны. Всё будет в порядке. И давай не будем об этом, пожалуйста. Только настроение портишь.

– Хорошо... Мил.

Разумеется, права была служанка, а не госпожа. Омилия прекрасно это понимала – но отказаться от прогулок по ночному городу и встреч с Унельмом не могла.

Пока что им удавалось провернуть это всего несколько раз, но ей начало казаться, что они с Ульмом знакомы давным-давно, и она уже не могла понять, как до сих пор обходилась без него. Их разговоры совсем не были похожи на насторожённое кружение друг вокруг друга, которое когда-то так притягивало её во встречах со Стромом.

Нет, с Ульмом она говорила как с другом, которого у неё никогда прежде не было... Конечно, если не считать Биркера. Омилия подумала о нём, о том, что уже давно не разговаривала с ним – будто Унельм и книги, набранные ею вслед за братом в библиотеке, встали между ними – и, наверное, ощутила бы вину, не будь она так взволнована.

– Пришли?

– Да, это здесь. – Ведела тяжело вздохнула, пропуская её вперёд – туда, где шумная толпа вливалась в жаркое нутро «Красотки-охотницы».

Омилии ужасно хотелось хоть на минутку задержаться у стойки, послушать разговоры, посмотреть на лица людей, но не стоило лишний раз волновать Веделу.

Поэтому Омилия пошла прямо по лестнице – к двери с номером «3», где на этот раз они с Ульмом договорились встретиться.

Он был уже там – она чувствовала это, как если бы и в самом деле могла ощутить его присутствие, как мягкое тепло или золотистый свет, струящийся в коридор сквозь дверную щель.

И она поспешила туда, оставляя Веделу позади. Нужно будет предложить ей вознаграждение повесомее – ведь всё то время, что Омилия проведёт здесь, служанке придётся сидеть в соседней комнате, вздрагивая от каждого шороха.

Омилия не понимала, откуда в ней самой взялась эта смелость – смелость, граничащая с безрассудством.

А потом открыла дверь – и вспомнила.

Ульм порывисто поднялся ей навстречу, и его улыбка сияла ярче начищенного храмового гонга.

– Мил! Здравствуй! Как добралась?

– Ульм! – снова она не знала, как лучше поздороваться с ним. Метнулась ему навстречу, но в последний момент выучка, вьёвшаяся в плоть и кровь, погасила этот порыв – и Омилия протянула ему руку. Он снова улыбнулся – и едва коснулся кончиков её пальцев губами. Она зарделась – и, надеясь, что он не обратил внимание, заговорила:

– Добралась я хорошо... Что за погода! В дворцовом парке всегда тепло, но мне, оказывается, даже нравится, когда холодно...

– Тогда тебе непременно понравилось бы у меня дома, в Ильморе. Вот где холодрыга.

Она рассмеялась:

– Ну, может, это оказалось бы уже и чересчур. Гляди-ка!

Раньше она никогда не сказала бы ничего в этом роде – приходилось следить за собой, чтобы не выдать чего-то в этом роде при матери.

Омилия театрально взмахнула рукой, как делал это сам Унелъм, отвлекая внимание перед очередным фокусом, а потом достала монету у него из-за уха – вот только пальцы соскользнули, и монета покатилась по полу.

– Неплохо! – сказал Улъм, подбирая её. – Скоро ученик превзойдёт учителя. Тебе нужно было только немного повернуть кисть. Тогда бы монета не упала.

– Я повернула.

– Если бы повернула, монета бы не упала. Давай-ка я покажу.

Любому другому Омилия велела бы катиться к дьяволам – но Унелъму позволила бережно коснуться её руки. На сей раз монета появилась из небытия, как положено.

– Вот теперь идеально!

– Благодарю. Кстати... Пока я не забыла, хочу попросить об ещё одной услуге.

– Что угодно. Ты же практически моя владетельница.

– Хотя ты не напоминай, – вздохнула Омилия. – В общем... помнишь, я упоминала «Тень за тронном» и другие

книги, которые сейчас читаю? Я тогда ещё рассказывала о своих снах.

– Да, конечно. – Монета, как рыбка, мелькала, исчезая и появляясь вновь, между его пальцами. – Я помню все наши разговоры.

– Хорошо... В общем, я продолжила читать... И, кажется, поняла, что заинтересовало Биркера... Мой брат ведь брал в библиотеке эти же книжки. Советники, о которых идёт речь в «Тени»... Не все, но те, которые влияли сильнее прочих – прежде всего, на решения по добыче дравта и препаратов... Я выписала их имена и стала искать нечто общее. И нашла. Эти самые «тени за тронном» – они даже не всегда были официальными членами совета, брались как будто из ниоткуда.

– Из ниоткуда?

– Ну... из простых семей. Я изучила трактаты о знатных семьях Кьертании, чтобы убедиться. Их имена там не упоминаются...

– Звучит так, как будто у них свой кружок или что-то вроде того.

– Может быть. Если они поддерживают друг друга, это объясняет, как новым советникам удаётся пробиться наверх. И я сразу подумала про Магнуса. Того самого, что написал тебе записку о том, что знает о нас.

Унелъм нахмурился:

– Мы ведь не знаем наверняка, кто написал ту записку.

– Теперь знаем. Я полазила по материнским ящикам...

– Смотрю, скучать ты не любишь.

– Да уж. Если бы она меня поймала, думаю, не скоро бы мы с тобой увиделись. Так вот... Ты ведь показал мне ту записку в прошлый раз. Я запомнила почерк. Всё сходится. Ещё это «М.», как издёвка... Очень в его духе.

– Кажется, ты его недолюбливаешь.

– Вы, господин Гарт, как всегда проницательны. Мать и без него невыносима, но с ним... Он делает всё, чтобы перессорить родителей. А они и так никогда особо не ладили. А ещё... мне кажется, что некоторые из идей Кораделы о моём будущем... на самом деле идеи Магнуса. Он ведёт свою игру. А я не желаю в ней участвовать.

– Всё это странно. – Унелъм потёр лоб над шрамом, как делал часто, когда задумывался. – Раз всё это так – почему он не рассказал никому обо мне, о том, что мы видимся?

– Думаю, ему нравится держать меня на крючке. Знать, что я догадываюсь... Но ему меня не запугать. Я подумала: у него есть на меня кое-что, так? Нужно, чтобы и у меня было на него что-то. У тебя ведь есть доступ к архивам охранителей? Ты можешь поискать там что-то о Магнусе? Если я права, и он один из членов этого странного кружка «теней за тронном», он тоже – из простонародья. А стать своим человеком во дворце, выйдя из низов... У него руки должны быть по локоть в крови. Мы наверняка что-то узнаем, если начнём искать. А когда найдём, может, я придумаю, как от него

избавиться. Советников можно заменить. Наследниц – нет.

– Да ты опасная девушка, – Унелъм ухмыльнулся, но в его голосе она услышала ещё и восхищение. – Я это сразу понял.

– Если бы ты это действительно понял, мы бы больше не встретились.

Ей стало грустно, и, кажется, Ульм это почувствовал.

– Запретная тема! – сказал он, улыбаясь теперь немного напряжённо. – Но у меня есть кое-что, чтобы её сменить. Архивы я посмотрю, раз ты этого хочешь, но пока... Я ведь обещал каждый раз приносить что-то, чего ты не пробовала, так?

– Вовсе не нужно...

– Что за ерунда? Сперва посмотри, а потом отказывайся. – Он покопался в сумке и торжественно извлёк на свет небольшой кожаный мешочек.

– Что это?

– Программа сегодняшнего вечера. В прошлый раз ты сказала, что ни разу не играла в сут-стук...

– А ты говорил, что сут-стук – это детская игра.

– Так и есть. Поэтому обычно взрослые играют в неё тайком. В атмосфере строжайшей секретности. Так что нам подойдёт. Поверь, ты должна это попробовать.

Она сдалась:

– Ладно. Я тоже кое-что принесла. – Омилия передала ему сумку, и на свет явились бутылка пунша, окорок из рагадского кабана, авденалийский сыр, хлеб и коробка печенья из

Буан-Фо. – Ты любишь путешествия, поэтому я подумала, что мы можем попутешествовать вот так... Едой. Ты пробовал авденалийский сыр?

Она думала, Унелъм обрадуется, но он почему-то помрачнел.

– Что-то не так? Тебе не нравится зелёный сыр? Мне он тоже не особенно по вкусу, но я подумала...

– Нет-нет, извини, всё отлично. – Лицо его снова разгладилось. – Всё отлично, просто мне самому надо было о еде подумать. Я думал заказать здесь, но у них вряд ли есть авденалийский сыр... В другой раз что-нибудь придумаю. Словом, следующий ужин – с меня, ладно?

– Ладно. – Омилия растерялась. Ей и в голову не приходило, что Унелъм может почувствовать себя обязанным из-за еды, которую Ведела утащила для них с кухни.

– Итак, сут-стук! Правила простые. – Ульм опустил на колени и расчертил мелком на квадраты не самый чистый деревянный пол. – У тебя белые фишки – вот, отбери их отсюда. Я возьму чёрные. Это бита. Тебе нужно попасть своими фишками в мои дома... Дома – это вот эти квадраты. Мне – надо попасть в твои. Но если ты выстраиваешь прямую линию...

Правила и вправду оказались несложными, и Омилия начала игру, уверенная, что быстро выиграет.

Но уже через несколько ходов оказалось, что всё не так просто. Бита Унелъма отправляла фишки точно в цель – а

вот её деревянные кружки то и дело вылетали за пределы поля.

– Сут-стук! – крикнул Унельм, когда его фишки выстроились в ряд, и довольно улыбнулся.

– Давай ещё разок, – сказала она, чувствуя себя до смешного уязвлённой.

Они сидели на коленях прямо на полу, фишки летали под ударами биты с сочным щёлканьем. Плащ у Омилии запачкался, волосы растрепались... Она, должно быть, выглядела нелепо – но чувствовала себя как никогда счастливой.

Наигравшись, они пили и ели, разложив яства прямо на гостиничной кровати, роняя на пол крошки от печенья. Унельм показал ей несколько новых фокусов – ни один из них, даже после десятка попыток, ей не удалось повторить.

– Что ж, – сказал Ульм, расправляясь с последним куском сыра, – кажется, у меня только что появилось ещё несколько причин для того, чтобы однажды отправиться во все эти страны.

– А я была в Авденалии. И в Вуан-Фо тоже.

– Серьёзно? – глаза его загорелись. – Расскажешь? Там красиво? Что ты видела?

– Да особо нечего рассказывать. Я была совсем маленькой... Кроме того, мне не разрешали никуда выходить. Так что я видела только сады Рондана – там стоит дворец императора в Вуан-Фо, ну и наше посольство в Авденалии. Меня даже на встречи тогда не брали. А дворцы... Что дворцы,

они везде одинаковые.

– А паритель? Ведь ты летела туда на парителе. Каково это?

По крайней мере, об этом ей было что рассказать.

– Это удивительно, – сказала она честно. – Ни на что не похоже. Мир внизу – совсем маленький, и всё как будто на квадраты расчерчено... Реки точно змеи... Или изморозь. А иногда, когда летишь над облаками, не видно ничего. Один раз – тогда мы летели в Вуан-Фо – я видела грозу. Мы огибали её, чтобы она не попала в паритель. Всё вокруг было чёрным, а снизу постоянно вспыхивало серебром, подсвечивало облака... Я подумала, что паритель вот-вот упадёт... Но было так красиво, что даже это меня не заботило. Я только смотрела на это серебро в черноте и думала: «Как красиво. Как красиво». И больше ни о чём.

Некоторое время Унелъм молчал, а потом улыбнулся:

– Спасибо. Я как будто сам это увидел.

– Когда ты расследуешь то дело, – сказала Омилия, чтобы порадовать его, – ты наверняка сможешь полететь куда захочешь. На несколько недель... Я уверена, детективу с наградой третьей степени они дадут разрешение.

– «Когда» расследую, – пробормотал Ульм, – пока всё не очень хорошо идёт. Этот убийца... Даже Олке говорит, что никогда не видел ничего подобного. В смысле... Он видел преступников, которые хорошо заматали следы. Но этот не оставляет следов вовсе.

Омилия поёжилась:

– Жуть. Я ведь неплохо знала Аллеми.

– Мне жаль.

– Мне он не слишком нравился... Но уж точно он не заслужил быть убитым сумасшедшим маньяком. Ещё и... так.

– Такого никто не заслужил. Мил... Ты ведь наверняка знаешь эти семьи, так? Аллеми, Селли, теперь ещё и Рамсоны. Они ведь наверняка бывали во дворце, и не раз. Я пытался понять, что у них было общего, но ничего не нашёл. Во всяком случае, пока.

Она честно задумалась.

– Селли владеют дравтовой скважиной, а ещё занимаются разведением оленей. У Аллеми большие сады под Тюрор; они выращивают фрукты. И, кажется, рыбные фермы? Или рыбоконсервный завод? Не уверена... Рамсоны, Рамсоны... Они из каменных.

– Каменные?

– Да, это группа диннов... Они собрались вокруг Усели. Папин друг... Ну, можно сказать, что друг. В основном занимаются добычей камня, но почти у всех есть другие источники дохода.

– Другие источники?

– Я не уверена, что даже отец знает всё. Благородные динны постоянно пытаются прятать часть сделок, доходов... От большинства, кстати, ты бы ничего не узнал, даже если бы довелось расспрашивать.

– Почему? С детства всех диннов учат выдерживать даже самых надоедливых сыщиков?

– Не в этом дело... Просто многие динны не управляют делами самостоятельно. Такие, как Усели или Рамрик Ассели, например, – скорее исключение. И уж точно... Уж точно те, кого он убил, ничего не решали сами. Они были наследниками... А наследники, поверь моему опыту... Полностью во власти родителей в том, что касается ведения дел.

– Ведения дел, – медленно повторил Ульм. – Ведения дел – возможно, да. Но ведь есть что-то, чем ребята вроде тебя занимаются, да?

Омилия хмыкнула:

– Ребята «вроде меня»?

– Ты понимаешь, о чём я. Богатые ребята. Те, кто бывает у тебя в гостях. Чем они занимаются? Интересуются?

– Танцуют на балах. Ездят на охоту. Сражаются на поединках чести. Увиваются за девушками. Учатся. Занимаются благотворительностью. Иногда, да... – Омилия помедлила, – делами Кьертании...

– Политикой?

– Иногда. Рамсон и Аллеми точно ей интересовались... Я слышала даже, что они хотели войти в совет – но старшие, конечно, их не пропустили. А вот Селли я с ними никогда не видела. Мне кажется, кроме девчонок и вульгарных развлечений его ничто не занимало.

– «Вульгарных»? Это каких, например?

Омилия фыркнула, раздосадованная – вечно не ко времени, так или иначе голос Кораделы начинал звучать в ней:

– Ну, пробраться в Нижний город под прикрытием. Крутить романы с местными девчонками... Играть в азартные игры...

– Хм. – Унелъм нахмурился, а потом повторил, загибая пальцы. – «Пробраться под прикрытием», «романы с местными», «азартные игры»... Мил, у меня для тебя плохие новости. Ты вульгарна.

– Мы не в Нижнем городе, сут-стук – не азартная игра, а у нас нет никакого романа, – буркнула она, но Унелъм засмеялся:

– Ну, в одном ты точно кривишь душой. Я следил за тобой, как положено сыщику... – Он сделал многозначительную паузу. – ...Не видел ни одного человека, которого бы настолько увлёк сут-стук.

Она не выдержала и засмеялась тоже. Вот, что отличало Унелъма от других. Её неосторожные шпильки не ранили его – он их словно не замечал...

И умел её рассмешить.

– А эти двое – Аллеми и Рамсон... Они тоже были любителями... «вульгарных» развлечений?

– Не знаю. – Омилия отщипнула кусочек окорока. – Аллеми – скорее всего, нет. Он был очень религиозен, почти как его сухарь-отец. Из тех, кто ходит проповедовать вместе со служителями Мира и Души... Ну, знаешь, нести свет

веры и всё такое. Ещё он, кажется, очень любил природу – иногда месяцами пропадал в усадьбе, пропускал даже самые важные мероприятия...

– Проповедовать... Значит, он мог ходить в бедные районы? Вроде Нижнего города?

Омилия пожала плечами.

– Думаю, это возможно.

– А что насчёт Рамсона? О нём ты что-нибудь знаешь?

– Из того, что может иметь значение... Пожалуй, нет. Хотя... подожди. Знаю, что с его участием был какой-то скандал, и отец даже грозился лишить его наследства. Но это было давно, с год назад. Я думала, может, у него была тайная подруга или что-то вроде того. Динн Рамсон хотел, чтобы он женился на младшей дочке Усели, но всё сорвалось.

– А девушка – ну, та, из-за которой всё сорвалось... Она могла быть низкого происхождения, как думаешь?

– Даже наверняка. Если бы она была из наших, все бы наверняка узнали. Секретов во дворце не бывает...

Унелъм снова потёр лоб над шрамом.

– Спасибо, Мил.

– Хотела бы я помочь больше...

В дверь мягко постучали – один, два, три раза.

И сразу в сердце, ещё мгновение назад гревшем её тепло, ровно, стало пусто и темно.

– Дьяволы, – пробормотал Ульм. – Вечно на самом интересном месте, верно?

– У нас есть ещё несколько минут. – Омилия стукнула кулаком по кровати, и в воздух взвилось лёгкое облачко пыли. – Что толку вообще быть наследницей, если никогда не можешь делать что хочешь?

Унелъм поймал её руку.

– Если тебя это утешит, Мил, мало кто может делать, что хочет. Разве что наш маньяк. Но я надеюсь, что и ему недолго осталось. Так что, наверное, оно и к лучшему.

Омилия шевельнула рукой, и их пальцы переплелись.

– Я постараюсь узнать что-то о Магнусе, Мил... К нашей следующей встрече. Я буду ждать.

– Я тебе напишу. – Ведела будет не в восторге. – И ещё, Унелъм, я подумала... Когда-нибудь, если это будет безопасно. Например, если родители соберутся в Летний дворец, а я останусь... Может, это ты мог бы прийти ко мне в гости? Если не боишься. И если хочешь...

– Хочу ли я прийти в гости в прекраснейший дворец Кьертании к прекраснейшей девушке Кьертании? Даже не знаю, надо подумать.

Их пальцы сплелись теснее.

Стук повторился – тихий, но настойчивый. Унелъм вздохнул.

– Я столько не успел тебе рассказать. И о стольком – спросить.

– Мы что-нибудь придумаем, – пробормотала она, сама в это не веря.

– Мил... – вдруг сказал он, и тепло скользнуло по её пальцам вверх – к сердцу. – Можно мне поцеловать тебя на прощание? Это не будет оскорблением страны или предательством родины, как думаешь?

– Даже не знаю. Надо подумать. – Сердце в груди сорвалось вниз. Ни разу за все их встречи он не целовал её. И она сама – не раз целовавшая других – отчего-то трепетала от одной мысли о том, чтобы поцеловать его первой.

Он приблизился к ней, и она почувствовала его запах – как будто они знали друг друга тысячу лет.

Синие глаза и светлый широкий шрам на лбу – так близко. Она вздрогнула, подумав: никто не узнает об их встречах, об этом поцелуе, но сейчас, через мгновение, обратной дороги не будет.

Она подалась вперёд, навстречу этому теплу, свету, запаху – а потом ощутила мягкое, мимолётное прикосновение его губ к щеке.

– До свидания, – прошептал Унелъм, и она подалась вперёд... Но он уже отступил, улыбаясь, – а потом вышел из комнаты, навстречу красной от волнения Веделе.

* * *

Омилия вернулась домой с рассветом и, само собой, чувствовала себя так, как будто вовсе не ложилась, когда служанка вошла в её покои, чтобы разбудить.

– Мне нездоровится. Я встану позже.

– Жаль это слышать, пресветлая госпожа, – сказала служанка – не Ведела, другая, – робко улыбаясь и приседая, – но ваша матушка, она...

– Доброе утро.

Никогда прежде Корадела не врывалась к ней в покои вот так, и Омилия почувствовала, как кожу, будто озёрную гладь, сковывает холод. Даже когда она была совсем ребёнком, ей надлежало пройти через десяток чужих рук, которые укладывали ей волосы, сервировали завтрак, помогали вымыться и одеться – только после всего этого она удостоивалась аудиенции у собственной матери.

Корадела, несмотря на ранний час, была одета в парадное платье – тёмно-синее, как вечернее небо. Копна золотых волос была убрана в высокую причёску, и Омилия – ненавидя себя за это – против воли залюбовалась матерью. Как она умудряется всегда быть такой безупречной, такой прекрасной, такой ледяной?

Сидя перед ней на смятой постели в ночной рубашке со сбитым воротником, Омилия почувствовала себя голой и выше натянула одеяло.

Зачем её мать пришла сюда?

«Если и в сотый раз быть осторожной, как в первый»...

Омилия ощутила дыхание животного ужаса за спиной, но заставила себя улыбнуться и сесть прямо.

– Матушка. Какой приятный сюрприз. Доброе утро. Ты не

подождёшь? Я не одета.

Корадела, не отвечая, кивнула служанке:

– Оставь нас.

Девушка тут же исчезла за дверью. Омилия позавидовала ей всем сердцем.

Её мать пересекла комнату несколькими длинными шагами – и вдруг упала в кресло из золота и кости, стоявшее у постели, спрятала лицо в ладонях.

– Матушка?.. – Омилия медлила, ожидая подвоха. Но подвоха, кажется, не было. Плечи Кораделы вздрагивали, идеальная причёска тряслась. Неужели она и вправду плакала?

До сих пор Омилия была уверена, что её мать не умеет плакать.

– Мама. Что случилось?

Корадела резко отняла ладони от лица. Её глаза были сухими, но на бледных щеках, покрытых костной пылью, пылал румянец.

– «Что случилось»... Твой отец, Омилия. Твой отец! Я больше не могу этого выносить. Смирение смирением, но любым человеческим силам есть предел – думаю, даже служитель Харстед со мной бы согласился.

Омилия подтянула одеяло ещё выше. Конечно, её мать постоянно говорила с ней об отцовских просчётах и ошибках – но никогда её речи не походили на жалобы, как сейчас.

– Он что-то сделал? Он... обидел тебя? – Омилия помедлила, прежде чем задать этот последний вопрос, потому что

ей, по правде сказать, слишком сложно было представить, что её мать возможно было обидеть. Её отец – молчаливый, закрытый, хмурый – судя по тому, что Омилия знала о нём – привык замыкаться в себе, когда говорила жена, чтобы после сделать по-своему и нанести удар косвенно, чужими руками. Интриги давно были единственным языком, на котором её родители говорили друг с другом. Во всяком случае, до сих пор Омилия была в этом убеждена.

– Обидел меня? – Кажется, Кораделу такое предположение тоже рассмешило. – Дорогая моя дочь, твой отец давно уже не может меня обидеть. И что такое любая обида по сравнению с той катастрофой, к которой твой отец может привести тебя, меня, всех нас?

Итак, дело было не в Унельме – хорошая новость. Но при одной мысли про очередной разговор о судьбах Кьертании Омилию снова заклонило в сон. Она до боли прикусила язык, чтобы мать не заметила.

– Он собирается отправиться за границу. Сам, лично. Понимаешь ли ты, что это значит?

– Отец хочет встретиться с главами иных государств, – осторожно произнесла Омилия. – Он говорил, что...

– Омилия. – Корадела закатила глаза, поморщилась, как от зубной боли. – Как много раз я говорила тебе, дитя: не слушай, что тебе говорят. Думай о том, что стоит за каждым словом. Пришла пора повзрослеть, Омилия. У твоего отца новая блестящая идея – и он, как всегда, заручился поддерж-

кой Усели и остальных каменных. Само собой... Все они – мужчины, а мужчины склонны верить в ерунду.

– «Новая блестящая идея», – повторила Омилия. – Что за идея?

– Внедрение иноземных технологий в добычу дравта – а может быть, и препаратов. Как тебе такое, дорогая дочь?

Это и в самом деле было неожиданно. По временам, когда они с отцом ещё были близки, Омилия помнила, что изобретения иных земель его увлекали... Но позволять иноземцам проникнуть в секреты Кьертании – а это неизбежно случится, если они будут работать со Стужей...

– Должно быть, этому есть объяснение? – осторожно спросила она. – Может быть, отец надеется узнать что-то полезное для нас, и у него есть идея, как избежать...

– О, Омилия. Ты ещё так юна. Как ты будешь справляться без меня? Хорошо, что подумать об этом нам придётся ещё нескоро...

Лицо Омилии осталось невозмутимым – она думала о каждом, даже мельчайшем движении мышц, и давно привыкла не позволять себе ничего, что могло бы выдать матери её истинные чувства.

– У него нет никакой идеи, дорогая дочь. Жизнь во дворце не могла не приучить тебя повсюду искать скрытые мотивы... Но иногда человеческая глупость – это просто глупость. Твой отец загнал Химмельнов в тупик. Я хотела оградить тебя от разговора об этом, но... Денежное положение

нашего дома давно уже не такое прочное, как хотелось бы.

– Что? – тупо переспросила Омилия. – Как это возможно? То есть... мы ведь владельцы Кьертании.

– Даже владельцы могут влезть в долги, если во главе дома стоит идиот. – Корадела по-разному говорила о муже, но никогда прежде не позволяла себе при Омии быть настолько грубой. – Твой отец не только злоупотреблял казной – в последние годы он много пользовался помощью Усели и остальных... Годами они оказывали ему услуги, поддерживали на всех советах. Результат плачевен. Твоему отцу приходится идти до конца, чтобы, в конце концов, его славные друзья не повернулись против него и не растерзали на части.

– Ты говоришь о... перевороте, – прошептала Омилия. – Неужели такое возможно?

– Всё зашло слишком далеко, чтобы рассуждать о возможном и невозможном. Мы должны опираться на факты, Омилия. Твой отец заигрывает с Вуан-Фо, Авденалией, Рамашем... Возможно, планирует союз с кем-то из них – как думаешь, с помощью кого, моя пресветлая наследница? Усели и другие вряд ли отказались бы от возможности женить на тебе кого-то из своих отпрысков, если бы не надеялись заработать огромные деньги на иноземных... гостях. Смешно. Ни одна из этих стран понятия не имеет, что такое Кьертания. Ни одной не нужно ничего, кроме наших сокровищ. Они и каменные растащат Кьертанию на части – вот когда твой отец будет, наверно, доволен.

Омилия молчала.

– Я не позволю этому случиться, Омилия, – сказала Кордела, и голос её зазвучал вкрадчиво. – Но ты должна мне верить. Я не говорю тебе всего, моя дорогая, но над нами может нависать угроза ещё серьёзнее глупостей твоего отца и каменных. В любой момент может потребоваться вся твоя решимость... Решимость и жертвенность – две главные добродетели, доступные женщине. Ты, моя драгоценная дочь, так юна... И всё же. Решимость и жертвенность, Омилия. Ты чувствуешь их в себе? Ты готова довериться мне, когда придёт время?

Стены сжались, когда Омилия сказала:

– Конечно, мама, – как говорила всегда.

ДНЕВНИК МАЛЬЧИКА

Из тетради III

1

Не мог написать раньше, да и сейчас...

Мамы нет уже третий день. Сначала я думал, что это какая-то шутка, как тогда, давно, когда она спряталась в центре.

Папа места себе не находит. Он говорит, что охранители ищут целыми днями, но я всё равно решил ночью уйти и тоже искать её.

Я знаю, куда она любит ходить больше всего. Я пойду в библиотеку, Шагающие сады, Верхний город. Я весь город обойду, если понадобится, но я её найду, и мы все снова будем вместе.

2

Прошло уже три недели.

Я один. Папа пошёл в центр, и после этого его нет уже два дня. Я не могу спать, и иногда звёзды приходят ко мне как будто наяву – наверное, не хотят ждать, пока я всё-таки решу уснуть.

Пришла Лорна. Она принесла ужин. Я ничего не хотел, но она сказала, что не уйдёт, пока не поем.

Сказала, папа скоро вернётся, а я не должен волноваться.

Я сказал, что не буду есть, пока она не расскажет, где он.

Она долго не хотела говорить, но потом всё-таки сказала, что папа пошёл в центр. Говорит, он кричал, вёл себя ужасно. Лишился рассудка от горя, так она сказала. В центре все старались говорить с ним по-доброму, но потом пришлось вызвать охранителей, потому что он что-то разбил.

Я не мог в это поверить. Все эти дни папа говорил, что всё будет хорошо, что мама не могла пропасть

надолго. Что Химмельборг – её родной город, что она никогда не пошла бы куда-то, где опасно. Что все здесь её друзья. Он ничего не говорил про центр.

Правда, он запретил мне туда ходить, пока она не вернётся. Но он и в Верхний город запрещал ходить после того, как я ушёл туда без спросу.

Я сказал ему, что хотел быть смелым, хотел спасти маму. Но папа сказал, что иногда самое большое мужество – это принять, что нужно оставаться на месте, а не идти неизвестно куда.

В день, когда он ушёл, он выглядел, как обычно. Позавтракал и выпил кофе, почитал газету. Там снова не было про маму никаких новостей.

Лорна сказала, я должен поспать. Она говорит, папу никто не будет наказывать за то, что он испугался. Что я должен ей верить и ни о чём не волноваться.

Я ненавижу взрослых. Иногда, кажется, даже папу.

Взрослые всё время говорят, что волноваться не о чем, а в это время твоя жизнь ломается на куски.

3

Лорна опять приходила. Сказала, что папа уже завтра вернётся домой.

Спросила, не хочу ли я сходить в центр, пока жду, потому что мне, наверное, надоело сидеть дома. Сказала, все очень переживают за меня и хотят поддержать.

Я действительно очень устал от того, что ничего не

знаю о маме, сижу здесь один и ничего не могу сделать.

Папа был бы против, но я злился на него.

В общем, я пошёл.

В центре было как-то странно. Людей меньше, чем обычно, а разговоров, наоборот, больше. Каждый раз, когда мы с Лорной подходили ближе, они как будто затихали, а за нашими спинами начинали опять.

Лорна отвела меня в зал, в котором я раньше не был. В нём было несколько больших рамок. Они были похожи на дверные проёмы, только никуда не вели и стояли друг за другом. Она сказала, это какое-то новое изобретение. Должно читать мысли, но пока ничего не получается.

Чем-то эти рамки напомнили мне Арки на Шествии, но только они квадратные и сделаны из дерева, а не из кости.

Она угостила меня яблочным пирогом и чаем, а потом спросила, не хочу ли я попробовать. Я сомневался. Подумал, что папе бы это не понравилось. Но Лорна спросила, не боюсь ли я, и я подумал, что ещё больше папе не понравилось бы, что кто-то посчитает меня трусом.

Лорна сказала, что нужно пройти под рамками и громко думать о чём-нибудь одном, например, о кролике или капусте. Неважно, о чём, только сосредоточиться на образе. Она включила маленький аппарат с кнопкой, надела наушники и сказала, что попробует услышать, о чём я думаю, а я должен буду сказать, угадала она или нет.

Мне стало интересно – первый раз с тех пор, как мама пропала.

Я стал думать про Малку. Изо всех сил представлял себе её лапы, хвост колечком, язык, который всё время вываливался набок.

Но когда я ступил под рамки, думать о Малке стало труднее. Да и вообще о чём бы то ни было. В ушах загудело, и голова заболела, но не сильно, а как будто эта боль только приближалась издалека. Но Лорна улыбалась мне, и я пошёл дальше.

Дальше... Произошло что-то странное. Я шёл дальше, а голова болела сильнее. И я увидел что-то... как будто сон.

Сначала – что-то вроде большого щита, и этот щит развалился на куски. Он был одновременно как будто льдом, и прямо посреди него шла огромная глубокая трещина. Как будто мир разваливался пополам. Я заглянул в эту трещину, и увидел жидкий огонь и кровь. Кровь с огнём смешивались, они были похожи на смолу с яблони, но отчего-то я твёрдо знал, что это такое на самом деле.

Потом я услышал гул, отдалённый, как будто где-то переговаривалось много-много людей. Но я не видел их и оставался от них далеко. Мне стало одиноко. Так одиноко, как будто я был последним человеком на свете. Я стоял посреди снега, холода, у меня под ногами, под толстым слоем прозрачного льда, пульсировало золотое и красное, и я был один; не было в мире ни Химмельборга, ни Тюра, ни мамы, ни папы, ни Малки.

А потом я увидел мужчину – взрослого, но чем-то он был похож на меня самого. Он шёл вдоль трещины, над огнём и кровью, как будто ему до них и дела не было. Потом остановился, запрокинул голову – и вдруг со всех сторон к нему полетели как будто прозрачные сияющие нити... Мне стало страшно. А он улыбался.

Потом я вдруг почувствовал, что за мной наблюдают. обернулся и увидел – что-то бесформенное, полупрозрачное... А затем голова как будто пополам раскололась, а под носом стало мокро и горячо.

Очнулся я от того, что Лорна сунула мне под нос ватку, которая жутко пахла.

Она сказала, что изобретение её, к сожалению, опять не сработало.

Потом она поила меня кофе и долго спрашивала, что я чувствовал.

Я выпил три чашки и почти не почувствовал вкуса, хотя высыпал туда, наверно, половину сахарницы. Голова болела. То мокрое и горячее оказалось кровью из носа.

Сам не знаю почему... я не рассказал ей о том, что видел. Подумал, какая разница, если всё равно всё это мне привиделось...

Вернулся домой и почти сразу лёг спать, и спал очень долго и крепко. Никаких звёзд мне больше не снилось.

Не могу писать. Больше никогда не буду...

(На этом обрываются записи в тетради III.)

Сорта. Сны

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Стром оказался прав: ответ на моё письмо Рамрику Ассели пришёл быстро.

Я получила приглашение в резиденцию Ассели – через несколько недель там должна была состояться охота, в которой, как писал динн, будет участвовать «цвет кьертанского высшего общества», однако компания обещала быть «небольшой и уютной».

Это пугало. Динн Ассели мог рассчитывать на многое, зовя меня в уединённый загородный дом.

Успокаивало, впрочем, что его жена, Адела, тоже собиралась присутствовать на охоте – во всяком случае, на карточке приглашения было отпечатано и её имя.

В любом случае, отправиться в резиденцию предстояло ещё не скоро – до тех пор забот хватало. Мы с Эриком ходили тогда на охоту почти каждый день, и мой рейтинг был высок, как никогда. Я стала получать столько денег, что с лихвой хватало и на пансион Ады и Ласси, и на все мои нужды. Я отправила денег госпоже Торре – в благодарность за её заботу об Аде, так я написала в письме – и приложила к

письму несколько переведённых страниц из дневника Гасси. Я выбрала те, в которых речь шла только о том, как любил он сидеть дни напролёт в бабушкиной библиотеке, как нравились ему леса вокруг Ильмора, как счастлив он был. Госпоже Торре придётся попросить кого-то зачитать ей всё это – но я надеялась, что страницы её порадуют.

Послала я денег и матери Миссе, хотя знала, что Химельны должны были хорошо её обеспечить.

Госпожа Торре ответила мне тёплым письмом, написанным чужой рукой, и пожеланиями удачи. Она приняла деньги – и за это я была ей благодарна. Госпожа Луми не написала ничего.

Даже после этого денег у меня оставалось много – и всё равно казалось, что недостаточно. Каждый раз, думая о том, что мне нужен отдых, я вспоминала о девочках, которым нужны будут не только стол и кров, но и красивые платья, билеты в театр, образование, дом... Я вспоминала о них – и о бормотании кур за стеной, под которое мы с ними засыпали и просыпались в Ильморе... И соглашалась на очередной выход в Стужу даже тогда, когда можно было отказаться.

Ведь теперь – я знала – в любой момент Стужи могло больше и не быть; и мы со Стромом собирались уничтожить её своими руками.

Хотя бы на съём квартиры не приходилось тратить. Одно время я подумывала над тем, чтобы найти дом для себя и сестёр – со мною рядом им было бы лучше, чем в пансионе...

Вот только могла бы я в самом деле быть рядом? Чаще всего я возвращалась с охоты в ночи, рано утром уходила снова...

Но было и ещё кое-что: мне не хотелось уезжать от Строма.

Я привыкла к тому, что мы всё время вместе – и не из одного только удобства, но о большем я редко смела думать даже наедине с собой. Мы играли в тавлы, разговаривали, тренировались, сидели над дневниками Гасси, читали – каждый своё, время от времени зачитывая что-то особенно меткое вслух, сидя друг напротив друга в гостиной... Угли уютно потрескивали в камине. Ветер дул за окном. В такие моменты мне хотелось, чтобы всё это никогда не заканчивалось.

Иногда я думала: что станет с ним и со мной, если не будет Стужи? Кому мы будем нужны, ветераны ледовых битв, лишённые эликсиров, препаратов, нечеловеческих сил, проводивших незримую черту между нами и остальными? За этой чертой мы были одиноки – но и сильны тоже. Кем я стану в мире без Стужи?

– Кем угодно, Хальсон, – ответил Стром, когда я решилась задать ему этот вопрос. – Ты молода, умна. Ты будешь счастлива, в этом я уверен.

Он ни слова не сказал о себе, а я не спросила. Он, начавший ходить в Стужу почти ребёнком – однажды я надеялась узнать, как так вышло, – полный препаратами, как та карета из сказки, у которой дарами Стужи заменили и колёса, и кузов, и облучок... Осталась ли карета каретой или стала сни-

тиром? В сказке та карета укатилась от хозяина в Стужу.

Стром не мог не думать об этом – о том, что станет с ним самим, если его мир уйдёт. Но он был куда смелее и благороднее меня. Он не знал сомнений – во всяком случае, так мне казалось.

Однажды, когда я ворочалась в огромной пустой постели, пытаюсь уснуть, я вдруг услышала странные звуки, доносившиеся снизу – как будто скулил под дверью дома заплутавший в ночи одинокий зверь. Поколебавшись, я пошла вниз.

Огонь в камине совсем догорел, но в комнате было тепло – в Ильморе у меня бы зуб на зуб не попадал.

Простыни под Стромом на узком диване сбились, а сам он лежал как-то странно, закинув руки за голову, тяжело дыша. Ему снился сон – дурной сон – судя по тому, как лихорадочно блестело от пота лицо, по тому, как метались глаза под веками. Во сне он был беззащитен – даже перед моим взглядом, и, раздумывая, что делать, я стояла перед ним в нерешительности и смотрела.

Он был одет в свободные домашние штаны – и ничего больше, и я увидела, как широко раскинулись чёрные реки эликсиров под его кожей. Грудь, живот, руки, плечи были как карта Стужи, и тёмными линиями растекался по ней дравт эликсиров. И шрамы, шрамы – аккуратные стёжки Солли, который штопал и меня саму, – там, где в его тело были вшиты препараты. На груди, животе, плечах.

Мне стало страшно. Что будет, если эликсиры навеки

остановятся, прекратят пульсировать в его венах? Препараты погаснут, умрут – рано или поздно. Усвоение наших тел поддерживало в препаратах жизнь, но ни один из них не вечен.

Разумеется, существовала реабилитация – но выдержит ли её Стром? В нём было так много Стужи.

В процессе реабилитации охотничьи протезы заменяли на обычные, требующие обновления каждый год – как те, что поставлялись Кьертанией на экспорт. Это было дешевле, чем продолжать накачивать ушедших на покой препаратов эликсирами, поддерживая всё то, чем снабдили их кропари за время службы.

Что будет теперь, когда вместе со Стужей уйдут и её дары? Конечно, он не мог не думать об этом – мой ястреб, который думал заранее обо всём, у которого всегда были ответы на все вопросы...

И всё-таки я стояла рядом с ним и чувствовала тревогу. А ещё – что хочу к нему прикоснуться. Он снова застонал – тихо, сквозь стиснутые зубы, как будто не давал себе воли даже во сне, и я решилась. Провела пальцами по его лбу, отбросила с лица, испещрённого шрамами, тёмную прядь.

– Эрик... Проснись. Тебе приснился кошмар.

Он открыл глаза и перехватил моё запястье – стиснул крепко, до боли. В его глазах – тёмном и золотом – плясало безумие, и мне стало страшно. Спросонок он как будто не

узнавал меня – подтащил ближе, рывком наклонил к себе.

– Дьяволы... – пробормотал он. – Огонь и кровь... Всюду кровь...

– Эрик! – сказала я громче. – Проснись! Ну, проснись же. – Я прикоснулась к его лицу, стараясь не замечать, что запястью, которое он сжимает, становится всё больнее... И наконец его взгляд стал неспящим, осмысленным.

– Иде, – пробормотал он. – Что ты тут делаешь?

– Тебе приснился кошмар, – повторила я. – Что тебе снилось?

Он всё ещё крепко сжимал мою руку, и я осторожно села на диван рядом с ним, прямо в тепло его постели. Что-то внутри дрогнуло – возмутительно неуместное, человеческое, – но я была препаратом и смогла заставить дыхание успокоиться, а сердце биться ровней.

– Ничего. Ничего... – Он будто впервые увидел собственную руку, сжимавшую мою, и торопливо отдёргнул её, словно обжёгшись. – Всё хорошо, Хальсон. Тебе не стоило спускаться. Иди к себе.

– Ты весь дрожишь. И, мне кажется, у тебя жар. Я разожгу огонь и поставлю чайник.

– Я в порядке, – сказал он, но на этот раз не велел мне уйти, и я осталась.

Спустя несколько минут в камине жарко пылал огонь, и яразлила травяной чай по чашкам. Над ними плыл пар – ароматный пар, пахнувший лесом. Домом.

Стром накинул рубашку и сел за стол напротив меня, залпом выпил обжигающе-горячий чай, поморщился и налил себе ещё чашку.

– Хорошо, что ты меня разбудила, – пробормотал он. – Мерзкий сон. Я вижу его время от времени...

– Что за сон? – спросила я тихо. Обычно я бы не решилась задать столь личный вопрос, но в полумраке многое казалось возможным.

– То, что я видел под Арками, – сказал он просто, и явздрогнула. Многие препараты видели нечто на Шествиях. Об этом было не принято говорить, как не принято говорить о детских страхах или первых юношеских фантазиях. И всё же – шёпоты, пьяные откровения, намёки... Все мы знали, что видения под Арками – не редкость. Некоторые полагали, что увиденное предсказывает будущее. Другие считали это глупым суеверием.

– Что это было?

Стром смотрел в огонь:

– Я проходил Арки не так, как ты, Хальсон. Я был ребёнком... И сам не знал, что делаю. Но я помню, что видел, так, будто это было вчера. Лёд... Но и огонь тоже. Кровь... Холод... И одиночество... – Он потёр бровь над изменённым глазом, вздохнул и вымученно рассмеялся. – Если эти видения и вправду что-то значат, Хальсон, мои не предвещают ничего хорошего.

– Я думала, ты не суеверен.

– Я не суеверен. Но эти сны действуют мне на нервы.

– Тогда я выбрала правильный чай. Моя мать заваривала его отцу, когда... – я осеклась.

Я машинально потёрла запястье – должно быть, останется синяк.

– Прости, – сказал Стром. – Сам не понимал, что делаю. Больше не подходи ко мне так близко, когда я сплю, хорошо? – Помедлив, он взял мою руку в свои. – Больно?

В полумраке многое кажется возможным.

– Уже нет, – прошептала я.

– А что ты видела в Арках? – Он всё ещё держал мою руку в своих, и я позволила себе расслабиться. Не думать о том, что это значит. И как показать, что мне это нравится? Я замерла, чтобы не спугнуть его – ничего лучше в голову не пришло.

– Я плохо помню, – честно сказала я. – Всё было как в ту-мане. Но что я помню точно, так это храмовый зал... Огромный, пустой. Ещё – плач. Тогда я подумала, что детский, а сейчас... Чем-то это было похоже на крик хаара. И мне было холодно – но, думаю, это потому, что мне просто было холодно, – я неловко рассмеялась.

– Да, погода была так себе, – согласился Стром и отпустил мою руку, чтобы налить ещё чая. Я надеялась, что он возьмёт её опять, но этого не случилось.

– Как думаешь, каким будет мир без Стужи? – спросила я, снова подумав о чёрных тропах эликсиров под его кожей. –

Мы без Стужи?

– Кто знает. Я читал всё, что мог найти, чтобы составить более или менее достоверную картину... Но Стужа пришла в Кьертанию так давно. Учёные пытаются реконструировать, разумеется, но можно только предполагать. Если восстановится климат, каким он, предположительно, был до пришествия Стужи, на континенте будет зелено и тепло. Океан, окружающий его, тоже потеплеет. Урожаи больше не будут проблемой – кьертанцы смогут обеспечить едой себя, и ещё на экспорт останется. Химмельны... – он запнулся, как будто поняв, что слишком увлёкся. – Роль Химмельнов определённо изменится, – сдержанно произнёс он. – Без Стужи, без армии у них не останется ничего.

– Ты хотел бы, чтобы «их роль изменилась», – сказала я тихо. – Даже если с Сердцем ничего не выйдет. Ты планировал, как...

– Ты обещала не спрашивать, – мягко сказал он. – Запасные планы теперь не имеют значения, Хальсон. Мы найдём Сердце – и проблема Химмельнов решится сама собой. Никто больше не будет запрещать людям ехать, куда они пожелают, жить, как они пожелают...

– Не думаю, что это возможно, – осторожно сказала я. – Любое общество налагает на людей ограничения.

– Верно. Но ограничения в Кьертании станут куда здоровее, когда Стужи не будет. Мы живём в искусственном пузыре, Хальсон. Отрезанные от других народов и стран

собственной исключительностью... Здесь никогда не может быть развития, пока это так. А Химмельнам – Химмельнам выгодно, чтобы так это и оставалось.

– Кьертания сразу после того, как Стужа уйдёт, будет лежать в руинах, – сказала я, и Стром кивнул.

– С большой вероятностью. Да. Мы не знаем, к каким последствиям приведёт такая резкая смена климата. Не знаем, что станет со снитирами и дравтом.

– Думаешь, снитирь выживут без Стужи?

– Вряд ли. Но это не значит, что они погибнут сразу.

– А мы? – спросила я, и Стром улыбнулся. – Что будет с нами, с тобой? С препаратами?

– Смотрю, этот вопрос тебя сильно волнует.

– А тебя? Тебя он совсем не волнует?

Стром отвернулся:

– Конечно, волнует. Но это вопрос толерантности к рискам, Хальсон. Меня он волнует гораздо меньше, чем тебя. Это очевидно. Но я не сумасшедший и не самоубийца. Более того, всё, что я делаю, я делаю ради людей... и ради препаратов. Особенно – ради препаратов. Они пострадали достаточно и долго несли эту страну на своих плечах.

– Значит, ты подумал об этом. О том, что именно мы будем делать, когда это случится? Потому что... Я подумала: ведь не смогут ходить поезда, раз им не из чего будет делать ледяные рельсы. И что, если препараты перестанут работать? Тогда не станет ни автомеханик, ни парителей... Города и

деревни окажутся отрезаны друг от друга.

– Всё новое рождается на свет из хаоса, – он вздохнул. – Но в выигрыше всегда окажутся те, кто сумеет обуздать хаос быстрее прочих. Я хотел бы рассказать больше, Иде. Но твоё знакомство с помощником Олке, его интерес ко мне... Я не хочу всё усложнять.

– Я бы никогда не рассказала ему ничего, что...

– Прошу, не думай, что это вопрос недоверия. Я верю тебе. Но чем меньше нитей может привести Олке к ответам, тем лучше. Он опасный человек – и готов на всё, чтобы найти ответы, если уж за что-то взялся... А если чего-то не знаешь – это невозможно вывести ни хитростью, ни силой.

Помедлив, я кивнула. Мне хотелось верить в то, что дело и вправду только в этом. Что Эрик знает, что может на меня положиться.

– Пока что просто поверь... мы позаботимся о том, чтобы жертв было как можно меньше. Чтобы новый порядок – может быть и даже, скорее всего, временный, но необходимый – установился как можно скорее. Есть люди, которые думают и просчитывают разные варианты много лет... Вместе мы справимся со всем, что принесёт нам Сердце Стужи.

Так в наших разговорах впервые появились «жертвы». Эрик Стром произнёс это слово буднично, походя. И хотя я, само собой, и без того понимала, что то, что мы задумали, вряд ли будет легко, как летний день в Химмельборге, мне стало не по себе.

В легендах Кьертании вообще ничто не давалось легко. Снитирь, дарившие вечную жизнь или сказочные богатства, пожирали руки, ноги и первенцев. Снежная дева, приносящая детям подарки, своим дыханием замораживала непослушных до смерти. От музыки волшебной флейты владетельницы Аделы сходили с ума те, кто не вовремя её слышал.

Само собой, Сердце Стужи, позволявшее получить над ней власть, должно было запросить ужасную плату.

Но кто знает. Возможно, для разнообразия эта легенда окажется нежной и прекрасной, как весна. Кьертания зазеленеет, покроется цветами, а люди, лишённые привычного образа жизни одним днём, разделённые бесконечными зелёными пространствами, возьмутся за руки и начнут дружно строить новую жизнь, распевая песни.

Возможно.

– Чай и вправду хорош, – сказал Стром сонно. – Глаза закрываются, а завтра в шесть нам надо быть в центре. Иди спать, Иде.

– Если хочешь... я побуду здесь ещё немного... пока ты не уснёшь. Я слишком поздно поняла, как это звучит.

Стром приподнял бровь:

– Это ни к чему. Мне жаль, что я тебя разбудил. Со мною случается... Но беспокоиться не о чём. Ты и так многое сделала. Спасибо.

Поднимаясь по лестнице к себе, я чувствовала, как горят уши, щёки, шея.

Что он подумал обо мне?

Что бы ни подумал – велел уйти. Я зарылась лицом в подушки, натянула на голову одеяло. Теперь я чувствовала себя униженной куда больше, чем из-за того, что Стром не делился со мной всеми планами. Даже не униженной – обиженной, раненой. Стром ранил меня – хотя не сделал ничего плохого.

Мне казалось, я чувствую: Стром равнодушен ко мне. Он касался меня, втирал мази, говорил ласково, улыбался мне так, как не улыбался никому другому. Я хотела верить, что наши вечера значили для него не меньше, чем для меня, что я важна ему не только в Стуже – и не только как маленькая деталь его большого плана, в который не стоило меня и посвящать.

Но как я могла знать наверняка? Ястреб и охотник – особая связь. Что, если так она и должна выглядеть?

Я ничего не знала о чувствах и страсти, связывающих людей. Разве что из книг – но они ни в какое сравнение не шли с тем, что мог предложить личный опыт. Своего не было – и не с кем было поделиться. С момента, как я стала его ученицей, а после – охотницей, Эрик Стром стал для меня самым близким, самым важным человеком. К нему я приходила со всеми вопросами, он был рядом даже в самые чёрные минуты.

Но теперь, когда всё внутри дрожало и плавилось от стыда, я не могла пойти к нему – потому что, быть может, он до-

гадывался о том, что я чувствую, – и всё равно отослал меня.

А если не догадывался? Почему-то при мысли о том, что все мои терзания и сомнения попросту проходят мимо него, мне стало только хуже.

Впервые мне захотелось сказать утром больной, никуда не идти; послать к дьяволам и своего ястреба, и Стужу.

Но наступил новый день, и уже скоро мы опять были там, в вечном безграничном холоде, два тёплых огонька – дохни на них ненароком Стужа, и они навсегда погаснут.

«Эрик».

«Иде».

Его голос звучал во мне, как единственный маяк, как одинокая молитва. Но рана не затянулась. Осталось тоскливое, ноющее чувство потери.

Потому что он велел мне уйти.

Унельм. Встречи

Одиннадцатый месяц 724 г. от начала Стужи

Ульм сидел в «Парителе», одном из самых дешёвых кабаков в вечной тени Парящего порта, перед чашкой остывшего гадкого кофе – пить что-то крепче здесь могло быть опасно для здоровья. Именно сюда, в самый шумный и яркий район Химмельборга, он приходил, чтобы побыть наедине с собой – почему-то именно посреди громкой и весёлой толпы путешественников, прибывающих и улетающих, торговцев, носильщиков и зевак это выходило лучше всего.

Сегодня у него был и ещё один повод прийти сюда. Ему написала Лудела, которая хотела встретиться. Он и не думал, что она этого захочет – после того, как Ульм отказался улетать из Кьертании с помощью Мела, – интересно, встречаются ли они ещё с паритером, или Лу уже нашла кого получше? Ульм сделал глоток кофе и поморщился.

Зачем она вообще предложила встретиться – соскучилась или хочет о чём-то его попросить?

Как бы то ни было, разговор с Луделой мог и ему оказаться полезен. Она была родом из Нижнего города – а встреча с Омилией ещё больше укрепила его в стремлении отправиться

ся туда...

Туда, где, судя по всему, бывали все убитые юноши, где свершались на чёрном рынке сделки – а значит, быть может, были проданы те самые глаза – распутать все нити, заслужить восхищение Омилии, подняться как никогда высоко...

И наказать убийцу.

Он снова будто наяву услышал звериный вопль несчастной матери Аллеми и вздрогнул.

– Унельм!

Лудела была тут как тут. С тех пор как они виделись в прошлый раз, она ещё больше похорошела – как будто немного поправилась, и это ей шло. Волосы собраны в два пучка, губы и ресницы густо, смело покрашены, новёхонькая серая форма кропая сидит как влитая. Унельм приложил все усилия к тому, чтобы не пялиться ей в вырез. Это оказалось непросто.

– Лу. Как хорошо, что ты пришла. Отлично выглядишь. Но... постой, что это у тебя в волосах? – прежде чем она успела опомниться и шлёпнуть его по руке, Ульм достал у неё из-за уха конфету в блестящей обёртке. – Прошу, угощайся.

– Как мило. – Она приняла конфету, уселась напротив него и наморщила носик, осматривая обстановку «Парителя». – Тут ведь, я думаю, кроме этого, есть нечего?

– Ну, скажем так, кухня – не самая сильная сторона этого заведения.

– Тогда, видимо, здесь есть чего выпить?

– Отличная идея, но не советую брать тут алкоголь.

– Зачем вообще было предлагать встречаться в такой дыре? – буркнула она, и Унелъм улыбнулся.

– Я ценю это место за атмосферу. – Он не шутил, или не совсем шутил. Да, стойка тут блестела от застывшего жира, зелёные бутылки на полках были тусклыми от слоя пыли, а единственными украшениями служили связки старых лётных шлемов и перчаток паритеров и пожелтевшие от времени билеты на парители, расклеенные по стенам, но Унелъму тут нравилось. Всё здесь говорило о странствиях, и публика бывала необычная.

– Понятно. – Унелъм вдруг заметил, что она нервничает – и вряд ли из-за странного кабака. Её пальцы, сплетённые над столом, подёргивались. Возможно, она и накрутилась так ярко, чтобы скрыть неуверенность.

Значит, она всё же пришла попросить о чём-то. Или дело было в другом. Может, рассталась с Мелом?

– Как твои дела, Лу?

– Лучше некуда. – Её глаза говорили о другом. – А ты не слышал? Среди рекрутов нашего года я в первой сотне рейтинга... По всей стране. Мне теперь больше платят. Мел говорит, скоро будем гулять на мои.

Сам Унелъм в рейтинг даже и не заглядывал – толку. Вот имя Сорты наверняка где-то там, на первых строчках.

А Мел, значит, так и не исчез с горизонта – что ж, тем лучше.

– А как твои дела? – спросила она после того, как всё же заказала у подавальщика снисса с яблочным соком. – Я читала про все эти жуткие убийства в газетах... Ты что же, расследуешь это дело?

Они обменялись последними новостями, и над столом повисло неловкое молчание, похожее на непролившуюся грозовую тучу.

– Слушай, – сказала наконец она, потупя глаза в обрамлении неестественно длинных ресниц, – я вот подумала, что слишком уж разобиделась на тебя тогда – ты, верно, помнишь...

– Не о чем говорить, – бодро отозвался Унельм. – Тем более что ты ошибаешься: я ничего уже и не помню.

– Вот как, – пробормотала она, и он понял, что сплеховал. – Что ж, этого следовало ожидать, фокусник. Я ведь была просто временной историей, так? И когда от меня ничего стало не нужно...

– Ты сама хотела, чтобы всё это было временной историей, – заметил Ульм. – И, кажется, сейчас это тебе от меня что-то нужно. Или нет?

Лудела вспыхнула, и Унельму тут же стало её жаль.

– Ну, не обижайся, пожалуйста, Лу, – сказал он примирительно. – Давай помиримся, а? Временная, не временная – причём здесь это? Я всегда считал тебя своим другом. Ты мне важна, правда.

Её ресницы дрогнули, и вдруг Лудела начала плакать.

Ульму ничего не оставалось – он подсел к ней ближе, приобнял за плечи.

– Я бываю такая дура, – всхлипывала она. – Что же мне делать, что делать...

– Ну, не плачь, Лу, ты чего? Все знают, какая ты умница. Кого угодно спроси!

Мало-помалу её рыдания начали утихать, и она крепче прижалась к Ульму. От её груди так и веяло жаром, и, к своему стыду, он чуть помедлил, прежде чем пересесть.

– Ульм, мне надо кое-что тебе сказать.

Он был совсем не готов выслушивать её любовное признание. Он не хотел обижать её, и уже пожалел, что пришёл – но теперь деваться было некуда.

– Что же это?

– Я тебе наврала, – выпалила она, и это было совсем не то, чего он ожидал.

– Наврала? Но о чём?

Лудела шмыгнула носом и принялась промокать потёкшую с ресниц краску не слишком чистой салфеткой.

– Ну, помнишь, когда у Мела были... проблемы, – она понизила голос, – я сказала, что это всё из-за меня? И помнишь – я сказала, что не знаю заказчика?

Унелъм кивнул. Он вдруг ощутил странный азарт – как будто то, что собиралась сказать Лудела, имело прямое отношение к его судьбе.

– Так вот... на самом деле знаю. Потому-то у меня сейчас

и проблемы. И я подумала, может... – Лудела запнулась. – В смысле, ну ты же теперь почти охранитель, и, может...

– Слушай... – Ульм показал подавалыщику, что тоже хочет выпить. – Расскажи мне всё с самого начала, ладно? А я подумую, что могу сделать.

– Ты говорил, тут пить нельзя.

– Это да... Но риск делает жизнь ярче, красавица из Химмельборга. Рассказывай.

Старое прозвище, кажется, немного её приободрило – на это Ульм и рассчитывал.

– Ну, в общем, я же говорила тебе, что я родом из Нижнего города... и что не люблю там бывать. С тех самых пор как меня взяли в препараты, я решила, что больше туда никогда не пойду. – Лу провела пальцем по краю стакана, и взгляд её был отсутствующим.

– Но почему?

– Ты бы понял, если бы родился там, – она рассмеялась, но невесело.

– Я тоже не из богатеев, как ты знаешь.

– Знаю. Но только... это другое. В Нижнем городе ребята лет с пяти уже знают, что почём. Если уж родился там, никогда из грязи не вылезешь – а мне вон как повезло. Так что я решила о нём забыть... Не оглядываться.

– И ты никогда не скучала?

– По некоторым местам не скучают. Только радуются, что удалось оттуда выбраться. Кроме того, мне там всё равно не

были бы рады. Родителей давно нет, сестрица ушла из дома, ещё когда я совсем мелкой была... к тому же я теперь препаратор. А их в Нижнем городе не особо жалуют, если они... ну, не по делу туда приходят, конечно.

– Делу?

– Сам знаешь, какие у наших там бывают дела.

– Не понимаю, почему можно не жаловать препараторов, – заметил Унелъм. – Ведь рекрутов берут отовсюду?

– Что с того? Там тебе скажут: раз не хватило мозгов спрятаться от Арок, сам виноват, что служишь Химмельнам. Но я сама пошла на Шествие, и мне повезло. Если бы нет – я бы, наверное, всё равно оттуда ушла. Не знаю куда. Искала бы работу, любую, только бы не там.

– Всё это странно, – пробормотал Ульм. – Что значит «служишь Химмельнам»? Препараторы согревают и обеспечивают и Нижний город тоже, разве нет?

– Всякое случалось. – Лудела понизила голос. – В годы, когда случались бунты – я сама не застала это время, но мне рассказывали, – владельцы использовали погодный контроль против Нижнего города... Самые слабые замерзали в своих постелях. После этого остальным приходилось сдаться.

Унелъм вспомнил ильморские зимы – те, которым он сам стал свидетелем, и те, о которых знал только по рассказам старших.

Не было оправдания тем, кто решил использовать холод как оружие.

– Это ужасно. Я никогда об этом не слышал...

– Неудивительно. В газетах о таком не пишут. Последние годы всё спокойно, потому что Охрана и Нижний город... ну, можно сказать, договорились. Чтобы изменить Нижний город, нужны были бы огромные деньги. Проще делать вид, что его нет... Кроме того, и от него Кьертании бывает польза.

– Ты сказала, что решила о нём забыть. Но, видимо, не вышло?

– Вроде того, – Лудела отодвинула пустой стакан и махнула подавальщику. – У меня там, видишь ли, осталась подруга... Мы с ней с детства были не разлей вода, но потом оказалось, что мы от жизни совсем разного хотим. Я ей, знаешь, предлагала попробовать переехать вместе со мной. Найти службу где-то в Верхнем городе, или хоть на фабриках или вышках... Но она сказала, что ей и там, где она родилась, неплохо. Она в такие дела влезла... – Лудела запнулась, видимо, прикидывая, что можно сказать Ульму, а о чём упоминать не стоит. – В общем, нехорошие дела. Но мы продолжили дружить, видется иногда... С ней я не могла порвать совсем, с концами. Она меня столько выручала, знаешь... В общем, мы видались. А потом, когда я уже с Мелом встречалась, я взяла и ей про него сболтнула. Мы, знаешь, выпили, и она хвалилась тем, как у неё всё в Нижнем городе складывается, что и у меня могло бы, ну и мне захотелось... Глупо, я знаю.

– И ты сказала, что встречаешься с паритером?

– Ну да. Что он в другие страны летает, и меня когда-нибудь возьмёт, – Лудела уныло чертила пальцем по столу, – ну а уж она, видно, потом сказала об этом кое-кому другому. Он ведь перевозил контрабанду по мелочи и раньше – только внутри Кьертании, я тебе говорила... Это было так, по глупости. Знаешь, ребята из богатых семей не такие, как мы. Они делают глупость не потому, что не могут иначе, – а просто потому, что без глупостей им скучно.

– Ну, может, не так-то мы и отличаемся, – вставил Ульм, и Лудела закатила глаза.

– Ах да, прости, я забыла, с кем говорю. Короче... я сказала ей об этом, и...

Ульм, видно, не справился с собственным лицом, потому что Лудела осеклась.

– Ты сказала ей, что он занимался контрабандой? Лу, как ты могла это сделать? Прости, просто это...

– Да знаю я, – огрызнулась она. – Просто её, знаешь, было не впечатлить приличным мальчиком из хорошей семьи, ну и... короче, они вышли на него и потребовали помочь. С крупным грузом... я рассказывала, с каким. Пообещали, что если он это сделает, хорошо заработает – и потом его сразу оставят в покое. Конечно, ему не надо было соглашаться – но они надавили, начали угрожать, ну и...

– А потом появился я.

– Ну да. Я не знала, что делать. Решила, пусть лучше так... Если бы Мела ещё и охранители поймали, не знаю, что бы

мы делали...

– И теперь те люди арестованы, – пробормотал Унелъм. – А вот заказчик – нет...

– Ну да. Я не знаю, чего ждать, Улли. – Лудела заговорила быстро и тихо, и глаза её забегали – прежде Унелъм никогда не видел её такой. – Тот, который говорил с Мелом, погиб...

Это Унелъм помнил хорошо. Бородача на полу ангара, тёмную лужу у его головы. Тогда впервые при нём умер человек.

– Двое других Мела не видели, даже его имени не знали – во всяком случае так тот, другой, сказал, но можно ли верить? А главное – заказчик. Что он теперь думает? Что мы подставили его людей нарочно? Он ведь не знает, что вы и так на них вышли, не знает...

Унелъм вздрогнул. Он порадовался тому, что Лу не знает – и никогда не узнает о его блефе. Что если бы не он – и её доверчивость, – они с Мелом не очутились бы в этой ситуации.

– Я боюсь, и Мел тоже. Все эти месяцы... Ждём, ждём, но ничего не происходит.

– Может, он о вас просто забыл?

– Верран ни о ком не забывает, – мрачно сказала Лудела, снова часто моргая ресницами. – Я знаю.

– Верран, – повторил Унелъм. – Тот самый? Владелец Нижнего города?

– Ты о нём знаешь?

– Только имя. Он и вправду там... ну... главный?

– Не всё так просто. Нижний город велик, и там много... серьёзных людей. Верран – один из них очень давно. Игрные дома, притоны, большая часть чёрного рынка, – Лу заговорила так тихо, что Унельму пришлось перегнуться к ней через стол, – в его руках. И он много чего знает... на него работают разные люди. И ничего он не забывает. Если он пока до нас не добрался, так у него, наверно, есть на то причины. Но если доберётся... – Лу вздрогнула, и её щёки приобрели нежный салатовый оттенок. – В общем... я и подумала... ты же почти охранитель, так?

– Вроде того, – осторожно признал Унельм. – Только не пойму, чем это нам поможет.

– Ну как же... – Лудела робко улыбнулась. – Расследование ведь кончено. Я подумала: может, ты поговоришь с газетчиками... Расскажешь им, как на самом деле всё было. Верран наверняка узнает, прочтёт, и тогда...

– Лу, это безумие. Даже если бы я хотел – я не могу. Расследование ещё идёт. Меня отстранят от службы, если выкину такое, и правильно сделают.

Лудела закусил губу, и её бледное личико под слоем пудры посерело. Кажется, он лишил её последней надежды, и Ульм поспешил заговорить:

– Слушай... мне всё равно нужно в Нижний город. Может, я что-то и придумаю. Там, на месте. Только нужно подумать что.

– Тебе нужно? – медленно повторила Лу. – В Нижний город?..

Кажется, план успокоить её провалился.

– Это для расследования. И мы с тобой можем помочь друг другу. Ты Расскажи мне, как не попасть в передрагу в Нижнем городе, а я...

– Никак, – отчеканила Лудела. Щёки её заалели. – Фокусник, ты с ума сошёл или вообще меня не слушал. Ты что, не понимаешь, что это за место? Охранители ходят туда большими группами, и всё равно им приходится договариваться с местными... Типа того же Веррана. Иначе это слишком опасно.

– Но туда же можно войти, если...

– Войти-то можно. А вот вернуться – как повезёт. Любой, кто приходит в Нижний город без охраны, на свой страх и риск, – сам за себя. Я же сказала: Охрана приходит туда редко, а когда приходит, то так, для галочки... Нижний город живёт своей жизнью... Взамен охранители его не трогают.

– Я ведь не буду кричать, кто я такой, знаешь ли. Что, если я оденусь попроще, и...

– Попробовать можно, – пробормотала Лудела неохотно. – Если ты будешь вести себя тише весеннего снежка, не будешь показывать, что у тебя есть деньги, ни у кого не будешь брать еду или выпивку – но, кстати, если откажешься, могут обидеться, и тогда плохо дело – не перейдёшь дорогу никому неприятному, не обидишь кого-то из местных дев-

чонок отказом – или кого-то из местных парней, если будешь водиться с их девчонками...

– Как-то противоречиво, не находишь?

– Я о том и говорю. Ты же не сможешь просто ходить по стеночке, так? Начнёшь вынюхивать, и вот тут и вляпаешься в неприятности.

Унелъм не готов был сдаться вот так просто – Лудела была единственной ниточкой, связывающей его с Нижним городом.

– Должно быть что-то. Может, кто-то из твоих друзей...

– Говорю же, я с ними порвала. – Кажется, Лу начинала терять интерес к их разговору. Она поняла, что Ульм ей не поможет, и мрачно буравила взглядом вновь опустевший стакан. Казалось, она вот-вот опять расплачется.

– Выше голову, – сказал Ульм, проклиная себя за любовь к необдуманному обещаниям. – Я же сказал, что, может, что-то ещё придумаю. И я постараюсь, Лу. Я ведь тоже отчасти виноват.

«Сильнее, чем ты думаешь».

– Вот что. Расскажи мне всё, что знаешь о Нижнем городе, ладно? Кто есть кто, куда ходить можно, а куда совсем не стоит... Всё, что может быть полезным.

Несмотря на все её предосторожности, теперь Ульм только укрепился в желании пойти в Нижний город в одиночку. Если всё работает так, как рассказала Лу, он отправится туда в компании Олке и десятка охранителей, а значит – прощай,

самостоятельное расследование.

Кроме того, Нижний город манил его, как манило всё новое – так ли велика разница между полётом в другую страну или походом туда? Ему хотелось пуститься в новое приключение – а опасность только подзадоривала. В конце концов, разве не так во всех легендах и песнях добывалась любовь прекрасной девы?

Кажется, что-то такое проявилось в его лице, потому что Лудела вдруг деланно небрежно спросила:

– Кстати... кто та девчонка, с которой ты сейчас встречаешься? Она не будет переживать, если ты пойдёшь в Нижний город?

– Какая ещё...

– Ой, брось, Улли, я тебя знаю. Ты остался в городе, хотя Мел готов поднести тебе твои прекрасные дальние страны на блюдечке. Ну. Кто она?

Унелъм вдруг с ужасом ощутил, что краснеет – давненько с ним не случалось ничего подобного. Тем более в присутствии Луделы.

– Да мы просто друзья, вообще-то...

– Бедный Улли, – сказала Лудела с неожиданно нежной улыбкой. – Нелегко тебе придётся... красавчик из Ильмора. Ладно. Есть у тебя бумага? Я расскажу, что знаю. С чего же нам начать?

– Ну, например... – Унелъм помедлил. – Может, ты знаешь, где можно найти этого Веррана?

Лудела покачала головой:

– Никто не знает, где он живёт. Он появляется то там, то тут. Но я знаю, что его люди бывают в одном кабаке... Он называется «Хлад».

«Хлад».

Одно из названий, записанных Олке рядом с именем Томмали.

* * *

То, что рассказала Лу, не слишком вдохновляло. По её словам, не существовало дел слишком грязных для Веррана – как не существовало мест в Нижнем городе, безопасных для чужака.

Но, по крайней мере, теперь Ульм знал, откуда начать.

Солнце уже садилось, когда он медленно шёл к дому, погружённый в мысли – о Томмали, «Хладе», Омилии, Верране... А потом кто-то преградил ему путь. Унельм едва не столкнулся с человеком, явившимся словно из ниоткуда, и уронил на землю пакет с ужином. Всё вывалилось из пакета напрямик в лужу – хлеб мгновенно пропитался грязной дождевой водой, помидоры запрыгали по мостовой.

– Вот спасибо, – буркнул Унельм. – Видимо, вы очень спешили.

– Сожалею, господин Гарт. Это был ваш ужин? Какая неосторожность с моей стороны. Позвольте угостить вас. По-

близости есть отличное место.

Говорящему было, наверное, лет сорок... Во всяком случае, так показалось Ульму поначалу. Однако уже в следующие несколько минут он ловил себя на мысли о том, что этому человеку может оказаться и двадцать пять, и пятьдесят. Это был человек без возраста. Не слишком низкий, не слишком высокий; неплохо сложенный, крепкий, но стройный. Светлые волосы были собраны в аккуратный хвост, глаза смотрели внимательно, прямо, но в их глубине как будто темнело что-то – то ли тяжёлая мысль, то ли печаль. Это не вязалось с шутливым тоном и тем, с каким ленивым изяществом человек отвесил Ульму неглубокий поклон.

Одет он был просто, в чёрное и серое. Такого человека не отметишь в толпе.

– Значит, вы не случайно утопили мой хлеб.

– Вы проницательны, Унелъм... Я могу называть вас Унелъм? Я, быть может, позволил себе фамильярность в письме. Но никогда не поздно исправиться, вы со мной согласны? – Голос у него был тихим, мягким, но Ульм почувствовал: эта мягкость обманчива.

– Вы – Магнус.

– Совершенно верно. И снова – проницательно. Да, это я. К вашим услугам. – Магнус снова поклонился и улыбнулся уголком губ. – Я не шутил про ужин. По правде сказать, я давно искал возможности поговорить с вами лично. Но, конечно, быть может, у вас другие планы... – Магнус умолк,

всем своим видом выражая готовность немедленно отступить в тень ближайшего переулка.

Унелъм лихорадочно думал. Омилия вряд ли одобрила бы его разговор с таинственным Магнусом – с другой стороны, кто знает, не хочет ли он сообщить что-то, имеющее к ней отношение?

– Почему бы и нет. У меня были планы, но они включали в себя бутерброды, а сделать их теперь не из чего.

Ресторан, куда привёл его Магнус, был недалеко – расположился в полуподвальном этаже одного из старинных особняков. Прежде Ульм его не замечал – ресторан как будто выпрыгнул из переулка вслед за Магнусом.

Его здесь знали – встретившая их девушка в алом платье, которое не иначе как чудом держалось у неё на груди, улыбнулась Магнусу дружески и, не задавая вопросов, повела их к столу, укрытому от посторонних взглядов ширмой из кожи ревки – такая не оставляла шансов тем, кто пожелал бы подслушать, – в дальнем углу зала.

Только оказавшись там и что-то шепнув девушке – наверное, сделав заказ, – Магнус заговорил.

– Прежде всего, я должен поблагодарить вас за то, что вы приняли приглашение, – сказал он, улыбаясь. – Я знаю, что у вас могла сложиться определённая... предубеждённость в мой адрес.

– С чего бы? – Ульм пожал плечами.

– Карты на стол, – Магнус погрозил ему пальцем и улыб-

нулся. – Мы оба хорошо знаем, что известная нам обоим особа меня недолюбливает. В каком-то смысле, наверное, у неё есть для этого основания... хотя я всегда желал и желаю ей только добра.

– Не понимаю, о чём вы.

– Как скажете, Унелъм, – Магнус продолжал улыбаться, явно ничуть не обиженный. – Давайте не будем говорить о ней. Поговорим о чём-то куда более насущном – например, о вашем грядущем визите в Нижний город. Вы ведь собираетесь туда, не так ли?

– Вы, кажется, хотели накормить меня, а не допрашивать.

– Так и есть. Но разве это допрос? – Магнус вздохнул. – Возможно, я начал не с того конца. Моя вина. С чего же мне начать?

– Может, просто скажете, чего от меня хотите? – пробормотал Ульм. – Всё ещё надеюсь, что ужин останется в списке.

– Что ж, очень хорошо. Унелъм... я хочу помочь вам. Сейчас – помочь попасть в Нижний город и благополучно вернуться... Помочь найти убийцу, чтобы весь этот кошмар для Химмельборга закончился.

– Всегда знал, что мне везёт на людей.

– Как иначе? – Магнус снова улыбнулся. – Любой может изменить нашу жизнь, разжечь пламя или погасить его. У любого можно чему-то научиться... Любая встреча – везение. Только от нас самих зависит, воспользуемся ли мы им.

– И чему же я должен научиться у вас?

– Многому. Но только если захотите. Между нами больше общего, чем вы, наверное, думаете. Я тоже родился в простой семье – и тоже вознёсся куда выше, чем когда-то мог рассчитывать. Мне повезло: я рано понял природу везения. Мне кажется, Унелъм, вас ждёт похожая судьба. И я рад был бы помочь...

– Спасибо, конечно, – Унелъм достал из кармана потрёпанную колоду и стал перебрасывать её из одной руки в другую – Магнус, должно быть, подумает, что он рисуется, однако это здорово помогало сосредоточиться, – но я вовсе не хочу куда-то возноситься. Мне и тут неплохо.

– Разве? Как вам угодно. Однако для человека без амбиций вы с неожиданным пылом ввязались в опасную игру. Слышал, вы занимаетесь этим расследованием и днём, и ночью.

Откуда он мог это знать? На службе, конечно, и у стен есть уши – даже в прямом смысле, – но дома, в одиночестве...

– По ночам в вашем окне горит свет.

– Я репетирую новые фокусы. Кстати, как вы вообще узнали, где я живу?

– Дело нехитрое. Большой город – открытая книга для тех, кто его любит. Уверен, вы и сами уже это поняли.

– Значит, вы нашли меня, а потом выслеживали. Кажется, вы умеете заводить друзей.

Магнус промолчал – через мгновение явилась вновь девушка в красном платье с подносом в руках; поставила перед

ними блюдо с закусками, снисс в высоком кувшине с тонким горлышком, корзину с хлебом и тарелки с дымящейся распластанной на салатных листьях красной рыбой в обрамлении икры и каких-то моллюсков в тёмных раскрытых раковинах – Ульм и названия-то их не знал.

– Прошу, не смущайтесь. Ведь я лишил вас ужина.

По крайней мере это было правдой, и Ульм набросился на еду. Такая бы и Омилии понравилась... Сможет ли он однажды угостить её чем-то подобным? Он впал бы в уныние от этих мыслей, если бы не икра – каждая икринка, идеально круглая, упругая, взрывалась на языке. Моллюски оказались запечёнными в чесночном масле, а рыба – такой мягкой и нежной, что чтобы справиться с нею, не нужен был нож.

Снисс Унелъм пить не стал, а вот Магнус налил себе немного.

– Итак, Унелъм, что если мы поступим так? Я расскажу вам, кто я такой и почему написал вам, а вы сами решите, что с этим делать. По рукам?

– Оми...

– Унелъм, Унелъм! – Магнус снова улыбнулся, но глаза его сверкнули. – Я неспроста привёл вас именно сюда, но для вас в мире нет места, где безопасно называть её имя.

Унелъм нахмурился.

– А вы, я вижу, не хотите, чтобы кто-то ещё узнал секрет. Ведь тогда он станет менее ценным?

Он думал, что Магнус выйдет из себя, но тот улыбнулся

спокойно, мягко.

– Я храню ваш секрет не потому, что набиваю ему цену. И не потому, что хочу контролировать... её, как она, должно быть, думает. А просто потому, что не хочу его выдавать. На это у меня есть свои причины. И, Унелъм, поверьте: даже если вы решите отвергнуть мою помощь, рассказать ей об этом разговоре... я всё равно продолжу хранить его. Со мной ваша тайна в безопасности. Ни вам, ни ей ничего не грозит... если, конечно, вы и дальше будете осторожны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.